

18+

СОЛНЦЕНЕВОРОТ

Ксения Еленец

Ксения Еленец
Солнцеворот

«Издательские решения»

Еленец К.

Солнцеворот / К. Еленец — «Издательские решения»,

Мир празднует двадцатую годовщину апокалипсиса. Гирлянды горят кровавым светом. Во мраке прячутся изморники — порождения чёрного тумана. Нина — воссветлённая. Её кровь может зажечь огонь, спасающий от чудовищ, но цена за этот дар — клеймо бесправного имущества. Попытка затеряться в толпе на празднике проваливается. Теперь Нина — добыча. И чтобы выбраться из лап ловчих, ей придётся узнать страшную тайну их Логова.

© Еленец К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Гирлянды и кровь	6
Глава 2 Несвертываемость	13
Глава 3 Дом	21
Глава 4 Причастие	27
Глава 5 Благость	35
Глава 6 Убежище	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Солнценоворот

Ксения Еленец

© Ксения Еленец, 2026

ISBN 978-5-0070-1436-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Гирлянды и кровь

Взрыв хлопушки на секунду оглушил. Нина дёрнулась, прижалась к стене. Мимо промчалась стайка гогочущих мальчишек.

— Выкормыши Марева, — голос прозвучал откуда-то сверху, из приоткрытых окон.

Праздничная процессия начала таять — от длинной шумной змеи то и дело отставали мелкие чешуйки. Подвыпившие горожане продолжали горланить песни, славящие воссветлённых и Первоматерь, махали газовыми фонарями с алыми плафонами, оседали на лавках возле домов.

Мальчишки — подрыватели хлопушек — с криками влетели в подъездные двери, едва не сшибив наддверный охранный фонарь.

Нина скривилась. Плафон фонаря тоже был выкрашен красным. Огонь и кровь. Двадцатая годовщина Солнценоворота.

Нине ещё не удавалось застать празднование в городах. Когда всё случилось, людям было не до развлечений. А потом Нинина жизнь превратилась в череду бесконечных побегов.

— Ну чего ты такая медленная? — Светла — раскрасневшаяся, круглощекая, пышущая праведным недовольством — откинула за спину русую косицу и подбоченилась. — Мы пропустим салют!

Нина скривилась. Смотреть на грохочущие в небе сполохи не хотелось. Хотелось забиться в кокон из одеял с миской наваристого куриного бульона и дремать до самой весны.

Хлопья снега кружили в алом фонарном свете, оседали на карнизах окон. Снег хрустел под ногами, вихрился от порывов ветра. Снег напоминал о праздниках. Других. Без кровавых огней и клубящегося над головой мрака. Остро пахнувших хвоей и мандаринами.

Светла вцепилась пухлыми пальцами в её запястье, потянула, увлекая вслед за остатками праздничной процессии. Шествие остановилось на прихрамовой площади. Оскудевший человеческий ручеек влился в гомонящую толпу. Нине стало неуютно. Толпа заколыхалась, словно подходящая опара.

Застывший по центру площади храмовый служитель вскинул руки. Полы алых одежд разметались по снегу. Храмовник задрал голову к небесам, раскинул руки в стороны и затянул надрывно:

— Да приидет свет в дома наши так же, как распустится он в небесах над городом нашим. Да благословит свет детей наших, да понесут они в себе избавление и надежду. Да восветлятся все, да сгинет тьма. Да повернётся ночь вспять и над головами нашими засияет солнце. Да будет так.

— Да будет так, — вразнобой забормотали горожане.

Светла крепче стиснула Нинины пальцы. Её глаза сияли ярче праздничных гирлянд.

Нина с трудом высвободила ладонь, отступила, и едва не налетела на полицейское оцепление. Хмурая женщина в форме с красными лампасами поправила напоздшую на брови ушанку и спрятала обмороженный нос в ладонях. За спинами полицейских копошились два храмовых служки. Их рясы — черные и короткие — прикрывали от любопытных глаз ящички с фейерверками.

Один из служек с кряхтением разогнулся, почесал спутанную седую бороду и зыркнул на Нину из-под кустистых бровей:

— Чего зенки вылупила, вали. Ща как жажнет, без волос останешься. А мне по шапке настучат.

Нина поёжилась. Ей очень хотелось свалить. Далеко. Куда-нибудь за пределы пропитанного порохом и дымом города. Подальше от красных гирлянд, увивающих водосточные трубы и фонарные столбы. Подальше от затопивших площадь людей, от хмурых, промерзших до костей

полицейских. Но документы, которые обещал выправить Вадя, до сих пор не были готовы. Ещё один год без паспорта Нине не пережить. Правительство успешно подкручивало разболтанные гайки.

Светла — бестолковое дитя Солнценоворота — волчком крутилась вокруг своей оси и хлопала в ладоши. Выбившаяся из-под шубы косища хлестала по бокам, нос и щеки покраснелись от холода. Снег хрустел под подошвами, дыхание вырывалось из рта белыми облачками.

Нина стояла посреди празднично наряженной толпы посреди разукрашенной площади, слушала тягучие речи храмовника, но чувствовала себя овцой, запертой в загоне с хищниками.

— Всё хорошо? — женщина из полицейского оцепления тронула Нину за плечо. Взгляд, тяжелый и настороженный, вгрызся в Нинино лицо. Руки потянулись к радиостанции, прицепленной на нагрудный кармашек бушлата.

Её коллега — молоденький и большеглазый, до этого восторженно глазевший на кружащуюся в фонарном свете Светлу — напрягся и сделал шаг в их сторону.

У Нины взмокла спина. Сердце заколотило в висках, в горле пересохло, но она сумела изобразить кривую улыбку и выдавила:

— Пальцев на ногах не чувствую. Скорей бы домой, к батарее.

— Так в чём проблема? — глаза полицейской сузились, взгляд стал колким и холодным.

— Сестрёнка, — Нина деланно вздохнула и ткнула пальцем в Светлу. — Лошадь здоровая вымахала, силком не утащишь. А вернись домой без неё, мамка разорётся. Старшие сестры — люди подневольные.

Полицейская усмехнулась. Взгляд её потеплел, пальцы отлипли от радиостанции. Её коллега запунцовел ушами из-под околыша шапки. Нина сделала мысленную зарубку увести Светлу на другой конец площади, чтобы романтический сопляк в погонах не увязался за ними когда всё закончится.

— Возблагодарите же Пресветлую Первомасть, что ниспослала нам восветлённых! — хорошо поставленный голос храмовника прокатился над людскими головами.

Люди притихли. Толпа расступилась, пропуская певчих. Старушки, укутанные по самые брови в пушистые серые шали, гусиным выводком пересекли площадь, замерли за спиной храмовника. Певчие потупили глаза и затянули тихую заунывную песнь. Тонкие голосочки дрожали. Увитые выступающими венами пальцы комкали кисточки платков. Певчие тряслись на пронзительном ветру как выросшие на болоте берёзки — чахлые, едва держащиеся слабыми корешками за землю.

Песня утонула в гуле городских улиц, захлебнулась усилившейся метелью. Почти смолкла, когда слабые старушечьи голоса подхватил новый, звонкий и уверенный.

Светла пела как птица — ни капли не смущаясь, не секунды не раздумывая. Дышала незамысловатой мелодией. Толпа колыхнулась, подалась в стороны, выплюнула Светлу к ногам храмовника.

Нина тихонько помянула Пресветлую и всех её детей недобрым словом. Светла — её компас в чужом недружелюбном городе. В одиночку придется плутать, спрашивать дорогу, привлекать ненужное внимание полиции.

Нина поднырнула под выставленный локоть, боднула чей-то объёмистый живот. Её толпа пропускала неохотно. Смыкаясь плечами, мстительно отлавливая ноги.

В пение Светлы вливались новые голоса. Неуверенный и грубый мужской. Срывающийся на высоких нотах — мальчика-подростка. Грудной и густой женский. Песня рванула к тяжёлым серым небесам.

Из окружающих площадь домов высовывались любопытные.

Нина поймала взгляд смурного мужика, заросшего жёсткой щетиной. Мужик по пояс высунулся в окно и смотрел, казалось, напрямиком на неё. В уголке рта тлела сигарета. Мужик

разомкнул губы. Белое дымное облако скрыло его лицо, но взгляд холодных светлых глаз продолжал колоть Нинины лопатки. Она зябко обхватила себя за плечи.

Полицейское заграждение раздалось в стороны. Храмовые служки закончили установку снарядов для салюта и торопились убраться на безопасное расстояние.

Последние ноты храмовой песни стихли. В возникшей тишине оглушительно громыхнуло. Светла взвизгнула и зажала уши ладонями. Бабки-певчие присели, прикрыли головы руками.

Небо озарила вспышка. Трескучая, жёлтая. Вторая, третья. Хлопки участились, сполохи плясали на снегу, озаряли запрокинутые лица. Небо посветлело. словно не случилось Солнцеворота. словно после ночи, наполненной огнями и песнями всех ждало ясное солнечное утро.

Нина подула на озябшие пальцы и прислушалась. Что-то было не так.

Какой-то невнятный тревожный гул вгрызался в шум салютов, в восхищённое людское бормотание. Накатывал волнами. Нарастал и отступал.

Первыми среагировали полицейские. Женщина вскинулась как собака, взявшая след дичи, ткнула напарника в бок.

Её губы зашевелились и Нина, холодея, прочитала страшное. Спас-сирена.

Свист и шипение салютов стихли. По небу змеились дымные полосы, нос щекотал кислотный запах пороха. Сердце упало в пятки и вяло трепыхалось в попытках вскарабкаться обратно.

Вой спас-сирены накатывал приборными волнами. Бил по ушам, дезориентировал, отступал, чтобы накатить с новой силой.

Нина прикрыла глаза, попыталась вдохнуть загустевший воздух. Паника пригвоздила к земле.

Толпа оцепенела. Улыбки стекали с лиц, растерянные глаза шарили по сторонам.

— Всем покинуть площадь, — усиленный рупором голос пронёсся над головами. Остатки спокойствия лопнули как истончившийся мыльный пузырь.

Первым заплакал ребёнок. Заливисто и надрывно. Детский крик подействовал как пощёчина. Люди отмерли, сорвались с мест.

Нину толкнули в спину. Она шмыгнула в сторону, укрылась за кем-то массивным, оцепеневшим от ужаса. Рост позволял подныривать под чужими локтями, протискиваться в зазоры толпы. Стена из спин стала совсем непроглядной.

Нина поднялась на цыпочки и зашарила глазами в поисках рослой Светлиной фигуры. Очередной тычок пришёлся под ребра, опрокинул. Нина сжалась в комок, прикрыла голову руками. Ноги замельтешили перед глазами. Разные — обутое в аккуратные сапожки, припадающие на продавленные пятки валенок, косолапящие — но каждая пара норовила отдавить ей пальцы, пнуть, поставить подножку.

Рядом завалилась немолодая грузная женщина. Завыла, схватилась за ногу. Нина как замороженная уставилась на стрелку, ползущую по колготкам от голенища сапога к колену. Капрон пропитался кровью.

Рядом остановился мужчина. Замотал головой по сторонам. Глаза у него были дикими и пустыми. Мужчина ругнулся, схватил женщину подмышки и грубо вздёнул на ноги. От мужчины за версту разило перегаром и животным страхом, но женщина вцепилась в него как утопающая в соломину. Повисла на шее, подвывая не хуже спас-сирены.

Нина увернулась от очередных ботинок и вскочила на ноги.

Её спасти никто не собирался. Нина, как и всегда, могла рассчитывать лишь на свои силы.

Она вгрызлась в толпу с ожесточением раненой пираньи. Пихалась локтями, пиналась, один раз даже боднула чей-то объёмистый живот.

Толпа выплюнула её у кромки дороги. Практически под колеса полицейскому УАЗику.

Давешняя патрульная сидела в машине, прижималась кокардой ушанки к стеклу пассажирского сидения. Её губы шевелились быстро и бессвязно. Палец зажимал кнопку передачи на радиостанции. Нине померещился шипящий захлебывающийся звук на другом конце площади, но прислушиваться было некогда. Патрульная машина обещала защиту и спасение.

Нина бросилась к УАЗику, но её опередило грузное тело, врезавшееся в заднюю дверцу. Машина качнулась. Радиостанция выскользнула из пальцев патрульной. Водитель отчётливо выругался и утопил педаль газа.

УАЗик чихнул облаком черного дыма, зафырчал двигателями и сорвался с места, оставляя за спиной огромного, ревущего навзрыд детину, почти опустевшую площадь и трясущуюся в подступающей панической атаке Нину.

Она опустилась на корточки, прижалась лбом к коленям, медленно втянула через стиснутые зубы ледяной воздух. Уши, словно забитые мокрой ватой, начало раскладывать. Вернулись звуки.

Первым прорезался нарастающий вой сирены. Он с неохотой откатил, оставив после себя крики и плач оставшихся на площади. Нина огляделась и ощутила ползущий по коже морозец. Взбесившаяся толпа, больше похожая на стадо перепуганных парнокопытных, оставила после себя истоптанные тела в расплывающихся кровавых ореолах. Одинокое фигурки тех, кому повезло чуть больше, ползли на подвернутых, сломанных ногах к храмовым воротам, но Нина отлично видела, что железные створки были надёжно сомкнуты. На резных крючках над самыми храмовыми дверями покачивался на ветру газовый фонарь. Огонёк казался обычным. Рыжеватый, пляшущий внутри своей стеклянной темницы, но Нина чуяла растекающийся ореол охранительной черты. Фонарь окропили кровью воссветлённого.

Огонь и кровь — защита от исчадий Солнцеворота — надёжно берегли храмовые двери.

Очередная волна рёва спас-сирены откатила и Нина услышала тонкий, прерывающийся голосок.

Храмовую песню. Настолько неуместную и дикую в творящемся безумии, что Нина затрясла головой.

Но песня не стихла. Напротив, окрепла, зазвенела мольбой и плохо скрытым страхом. Всё ещё не веря, Нина уставилась на застывшую посреди площади фигурку.

Пальцы Светлы нервно крутили кисточку косы. Она не выглядела раненой, но торчала посреди площади как приклеенная.

— Вот дурище, — буркнула Нина. Но раздражение было густо замешано на облегчении. Светла почти с рождения ходила по этим улочкам, знала все закутки, срезы и убежища.

Храмовая девочка, поющая посреди площади песни своей Пресветлой, была единственной Нининой надеждой. Потому что по улицам уже ползли клочья чёрного тумана.

Марево текло по проезжей части, облизывало углы домов, отрезало пути к отступлению. Внутри явственно различалось копошение дёрганных тощих тел.

Нина попятилась, едва не налетела на ребенка, склонившегося над обездвиженной женщиной. Мальчишка поднял на неё черные глаза. Осмысленности в них было не больше, чем в пуговицах, пришитых к морде игрушечного медведя.

— Чего расселся? — вопрос сам сорвался с губ. Нина не ждала ответа. Нине не нужен был ответ, но мальчишка ткнул перепачканным в крови пальцем на лежащие перед ним тело и растерянно произнёс:

— Мама.

Женщина лежала скрючившись, обнимая руками непомерный, распирающий полы шубы живот. Шапка — старомодная, под мех, похожая на остроконечное яйцо — слетела с головы. Светлые, жёсткие как моток проволоки кудряшки вымокли от крови. Нина быстро коснулась пальцами чужого горла, нащупала безмолвное ничего над яремной веной и прохрипела севшим горлом:

— Маме нужно полежать, отдохнуть.

Она огляделась. Марево, словно чуя скопление людей, стекалось к площади.

Нина ухватила мальчишку за ворот куртки и вздёрнула на ноги. Он слабо пискнул, но сопротивляться не стал.

Она потащила лёгкое тельце на буксире и швырнула в руки Светле. Храмовая девочка захлебнулась своей песнью. Словно только проснувшись, огляделась. Тьма окружала.

Туман переполз бордюры, потёк по брусчатке, проглатывая оставленные ему на растерзание тела.

Послышался слабый стон, сухие щелчки суставов и захлебывающееся бульканье.

Мальчишка зажал уши ладонями. Нина с трудом подавила желание повторить жест.

Кто-то из проглоченных Маревом бедолаг ещё дышал, когда изморники ступили на брусчатку.

В расширенных Светлиных глазах плеснула истерика. Она лихорадочно завертела головой, подмечая мёртвые тела, пустые улицы и чёрный туман, пришедший на запах крови.

До храмовой девочки начало доходить, что реальность не похожа на цветастые картинки с храмовых буклетиков. Песней и верой не отогнать чудищ, скребущихся когтями в твои окна. Но бежать было поздно. Их судьба решилась в тот миг, когда захлопнулись ворота храма и зарычали двигатели полицейских машин.

Туман подполз к Нининым ногам, нежно облизнул мыски ботинок. Она прикрыла глаза медленно вдохнула пахнущий сырой могильной землёй воздух и нехотя разлепила веки. Мир посерел. Краски выцвели.

Гирлянды, увивающие водосточные трубы, перемигивались тусклыми сероватыми огнями. Из окон квартир лился тусклый сероватый свет. Тусклые сероватые лампы фонарей не могли пробить Марево.

На фоне всей этой серости охранный фонарь над храмовой дверью казался призраком ушедшего солнца. Он пульсировал ослепительным белым светом, от которого резало глаза. Нина сощурилась и отвернулась.

Изморники ковыляли по брусчатке, стягивались со всех сторон к перепуганным, застывшим людям.

Угольно-чёрные, худые. Обтянутые пергаментно-тонкой кожей конечности, пустые провалы глаз, рваные, дёрганные движения. Изморники походили на отпущенных с нитей марионеточных кукол. Безгубые рты и костлявые пальцы были вымазаны алым.

Нина сглотнула. Она старательно не опускала глаз, чтобы не нашарить взглядом развороченные мертвые тела. Светла, впервые столкнувшись с изморниками лицом к лицу, задумано взвизгнула и зажала рот ладонями. Мальчишка тихо заскулил и вжался лицом в Светлину шубу.

Лица изморников повернулись к ним резко, словно по команде. Зашелкали суставы, заскрипели хрящи. Ближайшее чудище ощерилось. С гниловатых жёлтых зубов потекла пузырящаяся алая струйка. Нину замутило.

Пальцы нырнули в карман, выудили крохотный складной ножик.

Нина шагнула вперёд, оставляя Светлу и ребёнка за спиной. В груди трепыхалась слабая надежда, что эти двое не увидят, не поймут.

Нож вспорол ладонь по старому бугристому шраму. Снова срастётся грязно и неровно, но каждый новый порез — практически откровенное признание. Билет в один конец к вечной каторге.

Кровь заструилась по пальцам. Алые капли срывались с ногтей, украшая снег под ногами багряными брызгами. Нина зашарила во втором кармане. Сердце тревожно бухнуло о рёбра, когда пальцы нащупали дыру в подкладке там, где обычно хранилась зажигалка.

Нина тихо застонала. Мысли запрыгали в голове. Взгляд, лихорадочно шарящий по площади, наткнулся на газовый фонарь над храмовыми дверями и она решилась.

— К храму! — Нина толкнула Светлу в спину, подхватила мальчишку и закинула себе на закорки.

Им нужен фонарь. Газовый, с живым огнём. Нина не собиралась помирать так глупо и бестолково.

Нина вообще не собиралась помирать.

Мальчишка больно ткнул ботинками под рёбра. Она, не останавливаясь, подбросила его повыше и оглянулась на Светлу. Та бежала неуклюже, вразвалочку, путаясь в собственных ногах.

Нина первая долетела до кованной калитки, сбросила с закорок мальчишку, дёрнула створку. Калитка ожидаемо не поддавалась.

— Твари трусливые, — прошипела Нина, дёргая навесной замок и обернулась к мальчишке. — Малец...

— Сеня, — перебил он, зыря исподлобья.

— Сеня, — покладисто кивнула Нина, — лезь на плечи. Перекину тебя через забор. Ты должен принести фонарь, который висит над дверью.

Мальчишка округлил глаза и замотал головой. Пушистая шапка с помпоном полетела на снег. Светлые и жёсткие — материнские — кудри встопорчились одуванчиком.

— Воровать плохо, — Сеня поджал губы и сложил руки на груди. Нина сжала кулаки и медленно выдохнула, сдерживаясь от желания отвесить мальчишке подзатыльник.

Добежавшая Светла шумно выдохнула, выравнивая дыхание, внимательно посмотрела на Сеню и неуверенно произнесла:

— Может меня подсадишь? Он маленький, с такой высоты разобьётся.

— Я тебя не подниму, — буркнула Нина. Щёки Светлы вспыхнули, губы задрожали, но Нина лишь равнодушно пожала плечами. Разница в десять лет не делала Светлу младше и легче.

— Тогда я тебя подсажу, — в голосе Светлы прорезались панические нотки. — Нужно достучаться до храмовых служащих, они обязательно нас впустят.

Нина на секунду впала в ступор. Чужая наивность не укладывалась в голове. Пока она строила план похищения храмового охранного фонаря, Светла лелеяла надежду на милосердие храмовников. Тех самых храмовников, что заперли двери перед носами своих прихожан.

Чудища надвигались. Медленно, но неуклонно. С трудом передвигали ноги, роняли на грудь тяжёлые головы, оскальзывались. Зима тормозила изморников. Но эти чудища никогда не брали скоростью. Числом, нечувствительностью ко всему, кроме окропленного кровью восвёлённых огня, но не скоростью.

— Давай, — пояснять ничего не потребовалось. Светла присела на корточки.

Нина вспорхнула на подставленную спину. Светла крякнула, но сумела распрямиться, позволяя Нине уцепиться за острые шпильки.

Через забор она перевалилась неуклюжим кулем. В последний момент шпиль вгрызся в карман куртки. Послышался треск. Содержимое посыпалось в снег, следом рухнула сама Нина.

Порезанная рука ныла, но кровь почти остановилась. Нужно было искать утопленный в сугробе нож, нужно было бежать к фонарю, наверняка намертво припаянному к кольцу, на котором он висел. Нужно было стучать в храмовые двери и просить зажигалку и что-то острое.

Тело сковал запоздалый ужас. Расширившимися глазами Нина смотрела на приближающиеся ломаные фигуры, на оскаленные пасти и окровавленные когти. На белую под цвет снега Светлу. На Сеню, лбом вжимающегося в слишком частые прутья забора. Светлые, курчавящиеся волосы обрамляли кукольное, совсем детское личико, но чёрные глаза смотрели цепко и выжидающе. Словно мальчишка проверял, предаст ли Нина случайных, даром ей не сдавшихся спутников.

Нина предала бы. С радостью, без малейших укусов совести, если бы это позволило ей выжить. Если бы насытившиеся кровавой жертвой чудовища отступили. Если бы Нина не видела, что запертый под плафоном фонарь поблек. Тонкая ниточка, связывающая огонёк с воссветлённым оборвалась, и теперь на крючках болтался обычный осветительный прибор.

Храмовые двери распахнулись неожиданно для всех. Даже изморники застыли, заинтересовано поводя остатками носовых хрящей.

Светла прижала щепоть, изображающую святое пламя, к груди и прикрыла глаза. Губы её беззвучно зашевелились. Светла возносила хвалу храму, не оставившему её в тяжёлый час.

Но на скрипучее храмовое крыльцо ступил не давешний проповедник, не певчие бабушки, не сгорбленный жизнью служка.

На крыльцо вышел полицейский. Тот самый патрульный, большеглазый, с полыхающими щеками, не сводивший со Светлы глаз на празднике.

В руке патрульный сжимал пистолет.

Глава 2 Несвертываемость

Сенины зрачки расширились, в глазах плеснуло искреннее восхищение. Нина восторгов не разделяла, но дуло ствола целило куда-то в храмовую глубь и это немного примирило с чокнувшейся действительностью.

Действительностью, в который патрульный держал на мушке красного от едва сдерживаемого гнева храмовника.

Полицейский опустил ствол и обернулся.

— Чтоб тебя изморники задрали! — голос храмовника дал петуха. Мокрая чёлка прилипла ко лбу, на виске пульсировала вспухшая жилка. — Псих сумасшедший!

Патрульный хлопнул ресницами, открыл рот для ответа, но выскочивший на крыльцо служка двумя руками уцепился за ручку и потянул дверь на себя.

Щелчок легкой в паз щеколды прозвучал как выстрел.

— Сам ты... сумасшедший, — запоздало сообщил патрульный запертой двери. Он не глядя сунул пистолет в поясную кобуру, обернулся, разглядывая через заборные прутья подступающих изморников.

Светла прижала ладони ко рту. Её мир, бережно собранный из икон, молитв и проповедей в очередной раз за вечер зашатался. Башенка из кубиков, тянущаяся к небесам и Пресветлой, зашаталась, грозя рухнуть и погрести храмовую девочку под своими обломками.

Калитка жалобно зазвенела промерзшими петлями, когда патрульный налетел на неё всем своим немалым весом. Замок не поддался. Патрульный ругнулся, снял с нагрудного кармана бушлата прицепленную клипсой радиостанцию и сунул в руки опешившей Нине.

— Подержи, а то в сугробе утоплю, — деловито пояснил он.

Забор мужчина перемахнул легко и красиво, едва коснувшись металлических шпилей. Приземлился мягко, как крупный двуногий кот. Нина поджала губы и стыдливо прикрыла локтем разодранный карман куртки.

Сеня открыл рот в немом восхищении. Ладони в пушистых черных варежках сомкнулись в аплодисментах. Патрульный бросил на мальчишку короткий взгляд и обернулся к Нине.

— Лови, — коротко приказал он.

— Что? — она нахмурилась, отступила на шаг, быстро огляделась.

На храмовой территории ловить было некого. Ветерок ворошил ветви благообразной разлапистой ёлки, нетронутые сугробы переливались под сероватым фонарным светом.

Тонкая утоптанная тропинка вела от калитки к храмовым дверям. Ещё одна тропка — дикая, почти занесённая снегом, петляла вокруг храмовых стен и тянулась к летним, закрытым на зиму туалетам.

— Ключом не щёлкаем, — патрульный повысил голос. Нина стиснула зубы, обернулась, собираясь высказать всё, что думает об органах правопорядка в целом, и этом полицейском в частности, но не успела.

Патрульный подхватил Сеню подмышки и прежде, чем тот сообразил, что происходит, подбросил.

Нина — больше от неожиданности, чем в попытке поймать — растопырила руки. Детское тело врезалось в её живот и опрокинуло в сугроб.

Нинина шапка потерялась. Снег полез в уши, хлынул за шиворот. Шею ожгло холодом.

Сеня запоздало взвизгнул, забился в её руках. Нина раздражённо спихнула мальчишку в снег и вскочила на ноги.

Патрульный сграбастал Светлу за рукав шубы, задвинул за спину. Её перебросить через забор он не успевал.

Ближайший изморник замер, вскинул голову, словно заинтересованно принохиваясь огрызком носового хряща, и рванул вперёд. Быстрее, чем должен был.

Патрульный успел вскинуть руку с пистолетом.

Звук выстрела больно ударил по ушам. Нина дёрнулась, прикрыла голову руками. Светла вжалась спиной в забор, словно пытаюсь просочиться через прутья под защиту своего обожаемого храма.

Нос уловил кислый и тревожный запах пороха.

Изморник, получивший пулю в самый центр грудной клетки, застыл. Ковырнул развороченную бескровную дыру пальцем. Ощерился.

Нина отвернулась, уже представляя, что ждёт оставшихся по ту сторону забора людей.

Кровь, боль, страх, смерть. Марево не знает жалости, не колеблется, не щадит попавших в её сети людей.

То же самое ждало Нину и Сеню, когда толпа изморников догрызёт Светлу с патрульным и перехлестнет забор. Изморники никогда не отличались остротой ума, но подставить спину товарищу, догадаются даже они. Следом рухнут двери храма. Тяжёлые, деревянные, окованные металлическими пластинами, даже они не выдержат осады существами, не чувствующими боли и усталости.

Забытая радиостанция, которую Нина машинально прищепила клипсой к вороту куртки, зашипела, разразилась булькающим захлебывающимся звуком:

— Двести... бл... Какой у него позывной? Нахр... иди Лёха... Лёха! Белкин, ответь с... чий сын...

Утопающий в помехах голос определённо был женским.

— Настоятель сказал... выгнали... дуй назад! Лёха, не дури...

Нине отчётливо вспомнился полицейский УАЗик, женщина-патрульная с бледным лицом и потерянными глазами, быстро наговаривающая что-то в свою радиостанцию.

Внутри шевельнулось нечто гаденькое и мстительное. Нина понимала, что в битком набитый УАЗик все желающие не поместились бы, что патрульные действовали строго по инструкции и сбежали с заводненной изморниками площади не от страха.

Нина помнила, что правила предписывают наряду при первых звуках спас-сирены возвращаться в ближайший отдел полиции, получать охранные фонари, штатных восветлённых и инструкции.

Но червячок простого человеческого раздражения всё равно копошился внутри, гаденько приговаривая, что патрульные получили своё. За равнодушие лично к ней, к Нине. Этакое местечковое равновесие. Не справедливость, нет. Но кому в нынешнем мире нужна справедливость?

Женщина с кокардой и тревожными глазами продолжала шипеть из радиостанции какие-то наивные глупости.

Вроде «держись, Лёшенька», «что я твоей маме скажу?», «мы близко». Нина уже слышала вой полицейских сирен и, кажется, даже видела слабые красно-синие всполохи, пробивающиеся через серость Марева.

Но УАЗик опаздывал.

Сухо щёлкнул спусковой крючок. Затвор пистолета отъехал назад. Патрульный не глядя сунул бесполезное оружие в кобуру. Промаршался. Пистолет безвольно повис на ремешке.

Патрульный бросил на Светлу долгий, нечитаемый взгляд. В его пальцах блеснула металлом зажигалка. Красивая, серебристая, с вытесненными по бокам узорами. На фитиле вспыхнул огонёк, слабый и бледный. Мелькнуло лезвие ножа и на фитиль упала первая алая капля. Густая и тягучая, она разбилась о серебристый металл, окропила мелкими брызгами пугливо дёрнувшийся огонёк.

Алое текло по вытесненным в серебре рисункам, капелью срывалось на снег.

Патрульный перестарался. Так торопился пустить кровь, что вскрыл вену.

Дрожащий в его руках огонёк набряк и распух. Волны ослепляще-белого света хлынули в стороны, пожирая чёрное Марево. Изморники отшатнулись. Их тёмные фигуры крючились, тонкопалые руки прикрывали провалы глаз.

Патрульный был силён. Нечеловечески. Нина ещё ни разу не видела таких ярких охранных фонарей. Светоч, рождённый внутри патрульного, выплёскивался через огонёк зажигалки, растекался щупальцами по округе, создавая огромный охранный контур.

Нина хотела возмутиться, спросить, почему патрульный не сделал этого раньше, почему заставил её, Светлу и мелкого Сеньку попрощаться с жизнями, но слова застряли в горле. Осознание скользнуло по спине ледяным крошевом.

Патрульный был болен. Болезнью восветлённых, у которой до сих пор не было названия. Одна приютская нянечка сравнивала её с гемофилией. Несвертываемость светоча. Один неосторожный контакт крови с живым огнём, и восветлённый вытекает до донца. Как бутылка с пробойной.

Нина заставила себя подползти к забору, схватила Светлу за плечи, тряхнула:

— Переползай. Он скоро кончится.

Светла резко обернулась, рот её округлился в плаксивой детской гримасе, глаза повлажнели. Она протянула руку через решётку, поймала Нинину ладонь, развернула.

Кровь уже запеклась свежей корочкой на застарелом шраме. Подсохшие алые потёки ползли до запястья, противно стягивали кожу. Нина растопырила пальцы. Корочка пошла трещинами.

— Помоги ему, — едва слышно прошептала Светла.

Нина вырвала ладонь из чужих пальцев, сунула руки в карманы куртки и отвернулась:

— Поздно.

Больному восветлённому могла помочь лишь Пресветлая Первомасть, живущая за закрытыми дверями своего храма. Патрульный сам выбрал свою судьбу. Решил отдать жизнь за приглянувшуюся девчонку, похожую на ожившую картинку с храмовых буклетиков. Или за идеалы, которые заставили его надеть погоны. Или за совесть, которая сожрала бы с потрохами, остаться он отсиживаться за храмовыми дверями.

В любом случае, Нина не могла его остановить. Да и не хотела. Каждая капля светоча, вытекающая из чужого тела, приближала к ним спасение. УАЗик с красно-синими огнями и правильным восветлённым на борту.

Сеня, позабытый взрослыми, выполз из сугроба, деловито отряхнул Нинину шапку и нахлобучил на макушку. Мокрая чёлка липла ко лбу, щёки лихорадочно атели, глаза жадно следили за фигурками изморников.

Туман, соприкасаясь с контуром охранного пламени, истончался и таял. Ломанные фигуры извивались, теряли цвет и плотность. Раззявленные в безмолвном крике рты кривились. Скрюченные пальцы хватили воздух.

Патрульный не просто отогнал изморников. Он выжигал их с городских улиц вместе с Маревом.

Чёрный туман дрогнул. Принялся неохотно втягивать вязкие щупальца.

Тьма отступала, таяла. Хмарое небо посветлело, гирлянды на фонарных столбах засверкали алым, в окнах окрестных домов затеплился живой желтоватый свет.

На парковку возле храмовых ворот влетел бешено моргающий сине-красным УАЗик. Задняя дверь распахнулась. Полицейская вывалилась из машины, едва дождавшись остановки. Шапка с кокардой осталась в салоне и теперь стылый, пахнувший снегом и кровью ветер трепал её короткие черные волосы.

Полицейская грохнулась на колени перед распростертым на снегу телом, осторожно коснулась форменного бушлата. Лёха Белкин смотрел в посветлевшее небо безмятежными, абсолютно мёртвыми глазами.

— ***

Патрульный УАЗик притормозил у самого подъезда. Полицейская неопределённо махнула рукой, но Нине отмашка не требовалась.

Она пихнула в бок сидящую у двери Светлу и нетерпеливо поерзала на сидении.

Светла перевела на неё невидящий взгляд и заторможено потрепала по волосам сидящего на её коленях Сеню. Мальчишка дремал, вымотанный произошедшим, укачанный тряской машины.

Сеня уткнулся носом в воротник Светлиной шубы. Из приоткрытого рта тянулась ниточка слюны. Лицо в потёках крови, прочерченное дорожками слёз, казалось абсолютно безмятежным.

Нина вдруг задумалась о том, сколько мальчику лет. Пять? Она плохо разбиралась в детях, зато отлично знала, что такое остаться сиротой в раннем возрасте.

Пусть не в пять — в восемь. Провести самый острый период взросления в приюте, она не пожелала бы никому.

Нина смерила Светлу долгим взглядом, вздохнула, перегнулась через её безвольное тело и отжала дверную ручку.

Потревоженный Сеня вздрогнул, открыл глаза и намертво вцепился пальцами в Светлину шубу.

— Мы уходим, — Нина коснулась детской ладони и попыталась разжать пальцы. Сеня замотал головой и зарылся носом в пушистый воротник.

— Валите, — рассеянно пробормотала полицейская и неопределённо махнула рукой. — Сопляка только не забудьте.

— На кой он нам? — опешила Нина.

— А мне он на кой? — передразнила полицейская. — Мы до утра будем вычищать дерьмо после пришествия Марева. Думаешь, малец не насмотрелся на трупы? Показать ему ещё пару десятков?

Нина тяжело сглотнула и скосила глаза на вихрастую светлую макушку. Своего самого главного покойника мальчик уже видел. Её кровь запеклась на его пальцах, переломанное, избитое тело отпечатались на дне глазниц. Нина знала это. Потому что целую кучу лет бережно носила в сердце своего главного покойника.

— Сейчас в городе паника. Службы носятся по улицам с горящими жопами. Никто не станет заниматься потерянным мальчишкой, — женщина откинула голову на спинку сиденья и прижала ладони к глазам. — Пусть переночует у вас. На мягком и накормленный. Утром закинете в ближайший участок.

Нина поджала губы, зыркнула на безучастную Светлу, подняла глаза на мягко мерцающие окна.

— Ладно, разберёмся.

Она выпихнула Светлу из машины, буркнула скомканное «спасибо» и выползла следом.

УАЗик зарычал двигателем, замерцал красно-синими огнями и сорвался с места. Нина прикрыла глаза и вдохнула полной грудью.

До этой части города не добрались гуляния и чёрный туман. Воздух пах колким и чистым снегом, но Нине казалось, что вонь пороха впиталась в её одежду, кровь запеклась на руках, копоть от фонарей пропитала волосы.

Светла спустила Сеню с рук, потянула подъездную дверь. Изнутри пахло сырým теплом. Охранный фонарь над дверью скрипнул металлическим кольцом. Покосившийся, с разбитыми стеклами и скособоченной дверцей, он выглядел жалким. Нина встала на цыпочки, дотянулась до дверцы кончиками пальцев, подпихнула, поправляя.

— А ну руки убрала! — окрик застиг врасплох. Нина вздрогнула, фонарь качнулся, дверца съехала окончательно.

Грузная отёчная бабка — староста подъезда и хранительница ключей от подсобки — щурила подслеповатые глаза, высунувшись из своего окошка едва не по пояс.

— Шелупонь вандалская! — пожаловалась она, обернувшись. Из невидимого нутра квартиры послышался негромкий мужской голос. — Господин ловчий, вы уж разберитесь. Уже пятый раз фонарь этот клятый меняем.

Нинино сердце прыгнуло в горло. Она отёрла взмокшие ладони о штанины, поймала трясущимися пальцами дверную ручку и скользнула в полумрак подъезда.

Тусклая лампочка над лестничной площадкой первого этажа высветила обитые ступени, помятые ящики для писем, ровный рядок банок-пепельниц на подоконнике.

Дверь на первом этаже тихо скрипнула. Нина ускорила шаг. Столкнуться со скандальной бабкой или её жутким гостем хотелось меньше всего на свете.

Перескакивая через несколько ступеней, Нина взлетела на четвёртый этаж, пропихнула замешкавшуюся в дверях Светлу в квартиру и захлопнула дверь.

Сеня, в тепле словно оттаявший, с интересом огляделся.

Квартирка была небогатой. Жилая комната, крохотная прихожая, заваленная обувью, пропахшая жженым маслом кухня. Высунувшаяся из комнаты псина — мелкая и жирная, едва передвигающаяся на тонких лапках — задушено хрюкнула, имитируя сторожевой лай. Нина вздохнула. Плюша казалась ей совершенно бесполой тратой консервов.

Светла повела носом и поморщилась:

— Па, у тебя что-то пригорело!

В комнате загремели торопливые шаги. Вадим застыл в дверном проёме, в глазах плескалась паника пополам с облегчением. Он ошарил их фигуры цепким взглядом, ища раны и кровавые пятна. Пальцы поскребли заросший светлой щетиной подбородок. Вадя повёл носом, выругался и бросился на кухню, едва не сшибив подвернувшегося под ноги Сеню.

Нина закатила глаза, подцепила мальчишку за отворот воротника и притянула ближе.

Молния куртки закусилa ткань. Нина раздражённо дёрнула собачку. Ткань распушилась, из прорехи показались тонкие ниточки наполнителя. Сеня выскользнул из рукавов, потрогал пальцем прореху у молнии и вдруг разревелся, горько и обречённо.

Светла, в этот момент стягивающая со ступни ботинок, испуганно замерла, балансируя на одной ноге. Нина потёрла пальцами переносицу и сунула куртку в руки выскочившего на крик Вадима.

— Что случилось? — прошептал он, комкая детскую куртку в огромных пальцах.

— Истерика догнала, — Нина скинула обувь, подхватила ревущего мальчишку под мышки и волоком потащила на кухню.

Вадима — огромного, растерянного, похожего на заплутавшего в трёх соснах медведя — она раздражённо пихнула коленом. Он посторонился, позволил им протиснуться в крохотное помещение.

Нина усадила Сеню за стол, открыла окно, выпуская дымную горечь на улицу.

В раковине отмокала сковорода с черными пригарками. В плошке у плиты дымилась горка вполне приличных сырников. Нина цапнула один и поддавшись вгрызшейся детской привычке сунула в рот целиком. Нутро у сырника оказалось горячим. Она открыла рот и задыхалась, остужая обожженное горло.

Жирные пальцы Нина вытерла о лежащую у раковины мокрую тряпку, на которой горкой стекала мытая посуда.

Она вытащила из посудной груды чашку с чёрным чайным налётом, плеснула воды из фильтра и поставила на стол перед заходящимся рыданиями мальчишкой.

— Пей, — приказала Нина, напустив в голос показной строгости.

Сеня безропотно обхватил кружку ладонями, поднёс бортик к губам и забулькал, клацая зубами о керамические стенки.

Нина воровато огляделась, схватила ещё один сырник, но донести до рта не успела.

— Куда? — Светла, не вовремя возникшая на кухонном пороге, сдёрнула с крючка полотенце и от всей души оттянула воровку поперёк спины.

Нина вскрикнула, но добычу не выпустила.

— Положи откуда взяла! — возмутилась Светла, но Нина уже сосредоточенно дожевывала сырник. Следующий взмах полотенцем она перехватила, выкрутила из пальцев Светлы, вытерла жирные руки и кинула полотенце обратно.

— Ну нельзя же так, девочки, — Вадим застыл в дверном проёме растерянной горой и переводил укоризненный взгляд с одной дебоширки на другую. Сеня тарашил красные глаза в стену перед собой. Недонесённая до рта кружка опасно накренилась.

— Пусть выметается из нашего дома! — взвизгнула Светла, выпуская полотенце из пальцев. Красное, в застиранный желтоватый горошек, оно упало Светле под ноги. — Жили нормально, пока ты её не приволок.

На последнем слове Светла захлебнулась, зажала рот руками и осела на пол. Плечи её мелко затряслись.

— И эту догнало, — пожала плечами Нина на невысказанный вопрос Вадима.

Она с тоской поглядела на горку сырников, подошла к окну и высунула голову навстречу снежной крошке.

Ветер встопорщил волосы, отросшие пряди полезли в рот. Она рассеянно подумала, успеет ли заскочить в парикмахерскую, или снова придётся кромсать патлы тупыми ножницами в дороге, но её отвлек хлопок подъездной двери. Что-то дикое, доставшееся от звериного начала завывало и заскребло под ложечкой. Вышедший на крыльцо мужчина излучал опасность.

Нина сощурилась, легла животом на подоконник и свесилась вниз. Гадкая мысль, что съехавшая с резьбы Светла подцепит её под колени и вышвырнет в окошко растаяла так же быстро, как появилась. Потому что мужчина задрал голову.

С высоты четвертого этажа Нина не могла разглядеть его глаз, но готова была поклясться, что они холодные и прозрачные, как тонкий ледок на горном озере, с пугающе-яркими точками зрачка и темной обводкой на радужке. Хасочьи глаза.

Одежда невзрачная и неброская. Обычный прохожий. Но обострившуюся за годы скитаний интуицию не провести. По коже поползли кусачие мурашки. Нина медленно сползла на пол, прижалась спиной к батарее.

— Тоже догнало? — участливо поинтересовался Вадим.

Нина подняла глаза.

Вадим сделал шаг через порог и кухонька словно бы стала ещё меньше. Он усадил не сопротивляющуюся Светлу на стул, поставил перед ней миску. Ловко вытащил из посудной горы вторую тарелку, переложил на неё несколько сырников и придвинул к Сене. Забрал у мальчишки расплёсканную кружку, поставил в раковину.

Нина зачарованно наблюдала, как огромный неуклюжий медведь ловко орудует в своей маленькой берлоге.

Забурлила вода в кране, ударилась о внутренности маленького металлического чайника. Щёлкнула спичка. Зашипел газ. На конфорке расцвёл трепещущий голубой цветок. Нина вздохнула, прикрыла глаза и уткнулась лбом в колени.

— Вадь, в городе ловчие, — тихо произнесла она.

Пол заскрипел, зашуршала одежда, щёлкнуло травмированное в детстве колено. Нина подняла голову и столкнулась с болотно-зелёными глазами. Когда-то эти глаза утягивали мелкую Нину в свою мутную пучину. Сейчас, столько лет спустя, она чувствовала лишь смутное раздражение.

— Это город. В нём всегда крутятся ловчие, — мягко сказал Вадим. Его рука нерешительно зависла над её макушкой. Нина отстранилась и вскинула подбородок. Дни, когда первый красавец приюта — такой взрослый и недоступный из-за непреодолимой разницы в шесть лет — заставлял сердце биться чаще, давно канули в небытие. Сейчас перед Ниной сидел чужой мужчина. Пару лет назад перешагнувший за тридцать, обзаведшийся лучистыми морщинками вокруг глаз и сединой на висках. Обременённый налогами, нелюбимой работой и любимой дочкой-подростком.

Светла отмерла, раздула ноздри и упёрлась в Нину полным ненависти взглядом. Последний раз они виделись, когда Вадиковой дочке стукнуло три. Она была щекастой, умильной, трещала не замолкая и покорила всех приютских нянечек. Было совсем не ясно, как такое чудо за тринадцать лет превратилось в злющего кусачего подростка.

Нина истерично хихикнула. Ей вдруг подумалось, что при большом желании она могла стать девчонке мачехой.

Светла нахмурилась, словно прочитав её дурацкие мысли. На скулах вспыхнули алые пятна. Она вцепилась ногтями в скатерть и прошипела:

— Чего ты скалишься, бешеная с...

Последнее слово утонуло в визге чайника. Вадим вздрогнул, тряхнул головой, словно выбрасывая из неё мысли, и распрямился.

— Кому что? — хрипловато поинтересоваться он.

Светла нахохлилась и отвернулась. Сеня, методично переминающий сырник в труху, хлопнул глазами и сунул масляные пальцы в рот.

— Хватит играть в большую дружную семью, — Нина поднялась, колени протестующе хрустнули. — Вадь, ловчие не просто в городе. Ловчие в твоём доме. Было круто увидеться и всё такое, но мне пора валить.

— Сейчас? Пока по городу ползёт Марево? — Вадим поставил перед Сеней дымящуюся кружку, плюхнул в неё столовую ложку сахара и принялся медленно перемешивать. Метал со звоном бился о керамические бортики. Нина поморщилась.

— А чего тянуть? — она оперлась поясницей о подоконник и сложила руки на груди. — Пока все гоняются за изморниками, я тихонько утеку в закат.

— На чём? — фыркнула Светла. — Вокзалы закрыты. Бьюсь об заклад, рейсовые автобусы тоже загнали на стоянки. Пешком пойдёшь?

— Солнышко, ты определись, — Нина ухмыльнулась, глядя как Светлу передёргивает от обращения. — То гонишь, то отговариваешь уходить.

— Да вали к изморникам! — Светла вылетела из-за стола как ошпаренная. В глубине квартиры хлопнула единственная межкомнатная дверь.

— Не дразни ребёнка, — Вадим поднял опрокинутый дочерью стул, придвинул к столешнице и потрепал по волосам вскинувшегося Сеню. — А с тобой-то что делать? Родственники в городе есть?

Сеня отстранился, насупился, пробулькала куда-то в ополовиненную чашку:

— Мы из Безлади.

— Это ещё что за дыра? — поинтересовалась Нина. — Очередная деревня которую изморники подчисто выжрали?

Сеня всхлипнул. Вадим отвесил Нине тяжеловесную затрещину и сделал большие глаза.

— Что? — Нина потёрла затылок. — О тебе забочусь. Если он из вымершей деревни, считай — сирота. Готовь письмецо Мамане.

Вадим стрельнул на неё быстрым взглядом и медленно произнёс:

— Наш приют давно переполнен. Маманя почти не берёт новеньких.

— И куда девать мелкого? На улицу?

— Здесь сиротами занимается храм. Утром ходите со Светлой. Заодно поглядишь, где забирать документы, когда их выправят. «Благость» не так просто найти, если не знаешь куда смотреть.

Нина поджала губы и отвернулась к окну. Вечерний сумрак окончательно превратился в сумрак ночной. Издалека доносился слабый гул спас-сирены, заставляющий волоски на руках вставать дыбом. Чёрное небо тут и там подсвечивалось ало-синими вспышками. Город погрузился в тревожную, полную боли и ужаса ночь.

Глава 3 Дом

Утро не принесло облегчения и бодрости. Крохотная квартирка гудела голосами, фырчала притаившимся в кухонном углу холодильником. Город за окнами содрогался от далёкого воя спас-сирен.

Сквозь хлипкие рамы лез ледяной ветер. Нина с трудом выпуталась из одеяла, выползла в коридор. Переступила брошенные поперёк коридора ботинки, влезла голой ступнёй в свежую талую лужу, коротко выругалась и столкнулась взглядом с хмурой Светлой.

— Не выражайся, — процедила она, складывая руки на груди и демонстративно перекрывая Нине путь на кухню.

— А то Пресветлая покарает? — Нина оперлась лопатками о стену и отзеркалила защитный жест. В эту игру она играть умела.

— Ты живёшь в моём доме, — Светла подалась вперёд и понизила голос, — ешь с моего стола. Кто знает, что в следующий раз окажется в твоей тарелке?

Нина сделала шаг, поймала Светлу за косицу и выдохнула в покрывшееся алыми пятнами лицо:

— Спроси у папы, сколько раз я слышала подобные угрозы. Придумай что-нибудь поинтереснее, ребёнок.

Губы Светлы задрожали. Она вырвалась, прижала отвоёванную косу к груди.

Нина подпихнула пяткой ботинок с подтаявшей снежной няшей на подошве:

— Твои? Куда бегаешь по ночам?

— Тебя не касается, — Светла ощерилась, нервно дёрнула подвернувшуюся ручку ванной комнаты и трусливо шмыгнула внутрь.

Нина мстительно крикнула в закрывающуюся дверь:

— Будешь плохо себя вести, расскажу Ваде, что ты втихушку куришь на крылечке.

Дверь ванной комнаты захлопнулась с преувеличенным грохотом.

Нина поскребла ногтем переносицу, вслушалась в бурление воды и с тоской осознала, что умываться ей придётся не скоро.

На кухне мертвенный, неубиваемый холод отступил. Нина сунула ладони подмышки и прижалась бедром к духовому шкафу.

Сеня, больше не походивший на прибитую тапком моль, сидел за столом и сосредоточенно отрывал мякоть от хлебной корки.

Вадя одной лапицей обнимал пластиковую миску в кокетливый цветочек, в другой вертел початую бумажную пачку.

— Глянь, не просрочились? — он сунул пачку Нине в руки и принялся бултыхать в миске венчиком.

Нина повертела упаковку, разглядывая нарисованную скорлупку с жизнерадостно-ярким желтком. Даты изготовления не было. Нина сунула нос с оторванному краю пачки.

Пахнуло чем-то забытым. Разводным детским питанием, сухим молоком. Чем угодно, кроме яиц.

— Что за гадость? — Нина брезгливо поставила пачку на стол.

— Яичный порошок, — Вадя пожал плечами, продолжая скрести венчиком о бортики миски. — Свежие яйца мне не по карману.

Он поставил миску на стол, поднял пачку яичного порошка, принялся. Куснул губу и опрокинул пачку над миской. Порошок посыпался в белую вспененную жижу. Нина тяжело сглотнула, сдерживая рвущийся на волю желудок.

Она, привыкшая питаться крупами и подножным кормом, не задумывалась над тем, как сейчас живут города.

В глаза бросился навесной шкаф, заставленный банками с овощными закрутками, пачками сухого молока, жестянками с консервой. Нина нахмурилась, пытаясь вспомнить, видела ли в Вадином доме хоть что-то свежее.

Нина помнила, что овощи и фрукты были не слишком частыми гостями на уютном столе, но списывала это на скряжистость Мамаши. Выходило, что Мамаша не только не экономила на питомцах — баловала.

— У нас были курочки, — вдруг произнёс Сеня.

Он оторвал от хлебного мякиша кусок, скатал в ладошках и выложил на скатерть спрессованный хлебный шарик.

— Ты жил на ферме? — Нина выдвинула табурет, уселась рядом и попыталась поймать блуждающий детский взгляд.

Сеня помотал головой, скрутил новый шарик и водрузил поверх первого.

— Я жил в Безлади, — третий шарик заставил хлебного снеговичка качнуться и опасно накрениться.

— Вот заладил, — Нина закатила глаза. — Не знаю я такой деревни. Зато другие знаю. Сейчас кур почти никто не держит. Они мрут, едва из яиц проклёвываются. И коровы дохнут, и свиньи.

— Животные плохо переживают недостаток солнечного света, — пожал плечами Вадя. Щёлкнуло колёсико зажигалки, зашипел газ. Зашкварчало разогретое масло. — На фермах для них ставят лампы, кормят специальной выращенной травой. Деревенским такое не под силу.

— Видела я твои фермы, — фыркнула Нина. — Нет там никаких ламп. То же дохленькое солнышко из марева пробивается.

— Были курочки, — Сеня с силой шарахнул кулаком по столу. Хлебный снеговик завалился на бок, рассыпался на части. Сеня стусевался, опустил глаза, добавил тише. — У Старшого. И коровы. И даже свинья. Мамочки за ними ухаживали. Меня не пускали, а сестрёнки ходили помогать.

— Были, значит были, — Вадя потрепал мальчишку по волосам, собрал хлебные шарики, смахнул ладонью крошки со скатерти.

Он вернулся к плите, зачерпнул половником жуткую болтанку из миски, вылил на разогретую сковороду. Зашкварчало. Нина придирчиво принялась.

Кухня наполнилась ароматом свежих блинов. Из приоткрытой духовки сочился белый, пахнущий сдобой парок. Квартира Вадима обещала убежище. Уют, заботу, защиту. Он сам — небритый, с растрепанной после сна шевелюрой — казался олицетворением слова «дом». Вадим ничего не предлагал. Не давил. Не просил. Просто впустил её в свою жизнь.

Нина почти поддалась. Она готова была остаться. Есть разведённые из порошка блины, собачиться с чужой дочкой-подростком. Найти работу. Праздновать каждую зиму годовщину конца света.

Но все мечты таяли, когда подушечки пальцев касались бугристого шрама на внутренней стороне ладони.

Её мирная жизнь продлится до первой встречи с ловчими. И она не имеет никакого права тащить за собой в бездну ни домашне-уютного Вадима, ни его ершистую дочку.

Хлопнула дверь ванной.

Светла возникла на пороге кухни как помянутый к ночи изморник.

Она принесла на себе душистый мыльный запах, острую мятную свежесть и молчаливую, клокочущую в глазах ярость.

— Ты вовремя, доча, — Вадим поставил на стол ещё одну тарелку, вытащил из духовки форму с хлебом, снял с полки банку варенья. — Пожертвования для храма в пакете у порога.

Нож с хрустом вознился в корку, Вадим тихо ругнулся, подул на пальцы. Светла поднырнула ему под руку, вытащила кусок и хрустом впилась зубами в хлебную корку. Крошки посыпались на пол.

— Я не пойду с этой... Этой, — пробубнила она с набитым ртом.

Сеня, принявший от Вадима намазанный вареньем кусок, хихикнул и с клацаньем зубов вгрызся в мякоть.

— Мы всё обсудили, — Вадим не повышал голос, но Светла сникла и поджала губы. — Мне нужно на смену. Я не смогу показать Нине «Благость».

— Но папа, — голос Светлы сорвался на жалобный писк и смолк под тяжёлым взглядом. Светла кинула бутерброд, тщательно прожевала и поинтересовалась ровным деловитым тоном. — Ты сильно расстроишься, если я случайно потеряю её по дороге?

— Сильно, — Вадим улыбнулся и потрепал Светлу по макушке.

Сеня — укутанный по самые брови в Светлин шарф, в Вадиной шапке, с застиранными пятнами на курточке — выкатился на крыльцо первым. И тут же скатился по ступенькам на подъездную площадку. Светла вхолостую клацнула пальцами. Кисточка шарфа ускользнула. Сеня с визгом полетел навстречу раскормленным дворовым голубям.

— Иди рядом!

Оклик мальчишка проигнорировал. Поправил сползшую на лоб шапку, стащил рукавицы и присел, вытянув перед птицами пустую ладошку.

Голуби сомневались. Урчали, топотали когтистыми лапками, кружили и дули грудки, но приближаться не решались.

Сеня сделал крохотный шагок. Второй. Птицы загомонили. Ближние ряды прыснули врассыпную, но мальчишка не сдавался.

Нина облокотилась на лестничные перила. Дорога к храму обещала быть долгой.

Двор заметало. Скрюченный дядька у соседнего подъезда лопатой прогрызал путь до тротуара.

На крыльцо выползла бабка-староста. Совсем необъятная в своей рыжеватой пощипанной шубе. Крыльцо сразу стало маленьким и тесным. Нина вжалась в перила.

Староста, пунцовая от напряжения, закопошилась у охранного фонаря. Взвизгнули петли. Фонарь качнулся на кольце, ощерился стёклами на выбитой дверце.

— Яся, масло тащи, — крикнула староста в приоткрытые подъездные двери и повернулась к притихшей Нине. — А ты чего тут шкеришься? Развелось приبلудышей. Яся, матушке твоей Марёво в гроб, тащи сюда свои мощи!

Нина попятилась. Спинай вперёд сползла на подъездную дорожку. Старосту она не боялась, но жизнь приучила сначала бежать, а потом думать.

Дверь подъезда приоткрылась. Наружу высунулась сухонькая морщинистая старушка, притягивающая бутыл с тягучей золотистой жижей. Староста приняла бутыл, отвинтила крышку, придирчиво принялась. Нос сморщился, слои подбородков всколыхнулись:

— Прогорклое!

Яся сверкнула глазами из-под серой челки и проворчала:

— Не всё ли равно чем эту бесполезную железяку мазать? Восветленного всё равно нет, кто фонарь зажигать будет? Сама Пресветлая с облачков спустится?

— Не богохульствуй, старая калоша, — староста стусевалась, капнула масла на платок и принялась с преувеличенным усердием тереть петли. — Вчера приходили из Ловчего логова. Какая-то большая шишка. Дал мне свой номер. Так что, пришлют нам скоро восветленного.

— Это тот, в форме с глазами-ледышками, который по всем квартирам со своим телефончиком прошёлся? — Яся хмыкнула, сложила на груди руки и усмехнулась. На месте перед-

него клыка у неё зияла дыра, превращающая милую бабулю в ведьму из старых сказок. — Не будь наивной, Степановна, он не помогать приехал. Наверное, в Логове опять все попередохли, вот ходят по квартирам, ищут свежее мясо.

— Язык придержи, — староста пихнула бутылку с маслом Ясе в руки, воровато огляделась и тут заметила притихшую Нину. — А ты чего уши греешь, изморниково отродье? Думаешь я не видела, как ты по ночам фонарь пытаешься спереть?

Нина насупилась, шагнула вперёд, собираясь высказать мерзкой старухе всё, что успела накопить за время их вынужденного соседства, но дорогу неожиданно заслонила спина в пушистой белой шубе.

— Я прослежу, чтобы она больше не трогала ваш фонарь, — Светла смиренно склонила голову, но Нина видела выбившееся из платка, полыхающее алым ухом.

Она хмыкнула, складывая в голове талую лужу у порога и ночного вандала.

— Под твою, Светлочка, ответственность, — староста степенно кивнула и с трудом протиснулась в подъездные двери. Из гулких коридорных недр зазвучали отголоски приглушенных слов. — Такая милая девочка, жаль что безматеринщина.

— Лучше бы ты курила, — хихикнула Нина.

Светла обернулась. Крылья её носа раздувались, щёки полыхали алым. Она порывисто шагнула к Сене, схватила его за руку и под протестующий писк потянула вперёд.

Голуби прыснули в стороны.

Нина пожала плечами, подхватила брошенный пакет с пожертвованиями и поплелась следом.

Автобус полз по улицам сонной весенней мухой. Тормозил на остановках, распахивал скрипучую пасть, запускал очередную порцию пассажиров.

Дышать становилось тяжело. Нина растопырила локти, отгоняя жмущиеся со всех сторон тела, наступала пяткой на пальцы, пыталась пробиться к освобождающимся местам, но людская стихия оказалась сильнее.

Толпа волнами прокатывалась по салону, перемешивала человеческие песчинки, вдавливала Нину в жёсткие спинки кресел.

Сеню сердобольные старушки, оккупировавшие передние кресла, усадили на колени и теперь он, на зависть Нине, радостно болтал ногами в воздухе и жался носом к окну.

Автобус пересёк низкорослый частный сектор, обогнул многоэтажки, вырuling на широкую, вычищенную дорогу и посеменял бодрее.

— Вон там твоя «Благость», — Светла неопределённо махнула рукой на проползающие мимо окон здания. — В торговом центре.

Нина привстала на цыпочки, но за пушистыми капюшонами и объёмными шапками смогла разглядеть лишь виднеющиеся вдали шпили многоэтажек.

Автобус шатнуло. Нина схватилась за капюшон чьей-то куртки, получила ответный тычок локтем. Стало не до созерцания окрестностей.

Толпа всколыхнулась, недовольно забурлила и вмазала Нину в поручень, выжимая из лёгких весь воздух.

Автобус остановился когда Нина, пришпиленная к холодному металлу, успела попрощаться с жизнью.

Двери зашипели, распахнулись, позволяя глотнуть воздуха. Давление ослабло. Нину потащило к выходу, выбросило на грязный сероватый снег, под ноги лучащейся ехидством Светле.

Храм был другим. Маленьким, лишённым забора. Под куполами, в переоборудованной колокольне мягко мерцал фонарь. Обычный, электрический, не окроплённый кровью. Сеня остановился, сунул палец в рот и расширенными глазами уставился на пульсирующий свет.

— Красиво, — выдохнул он.

Светла присела на корточки, стёрла нитку слюны, ползущую у мальчишки по подбородку и мягко улыбнулась:

— Если тебя примут, можешь стать звонарем.

— Фонарём? — переспросил Сеня, хмурясь.

Светла расхохоталась, потрепала его по щеке и поднялась на ноги:

— Почти. Звонари играют музыку света. Зажигают фонари, большие и поменьше.

— Зачем? — Сеня потоптался на месте, поднял глаза на Нину, но та лишь украдкой пожала плечами. В вотчине Пресветлой она была чужачкой.

— Простой свет не прогонит изморников, — тихо хмыкнула Нина. — Зачем впустую жечь электричество?

— Свет — это проводник, — Светла бросила на неё короткий колкий взгляд. Крылья её носа затрепетали. — Свет несёт в мир тепло наших душ. Сейчас мы платим за это кровью — смываем грехи рода человеческого — но когда-нибудь испытание подойдёт к концу и Пресветлая благословит всех. И никто больше не будет проливать кровь.

— И засияет над миром солнышко, и всех стошнит радугой, — пробурчала Нина.

Людские ручейки текли к храмовым дверями. Опасливо огибали Нину. На пороге прихожане замедляли шаг, прижимали собранные в щепоть пальцы к губам и сердцу.

На крохотной парковке сгрудились огромные чёрные автомобили. Мягко хлопнула дверца. Захрустел снег. Водитель обогнул машину, распахнул пассажирскую дверь и протянул руку, помогая выбраться наружу холёной женщине.

Женщина вгрызлась в снег острыми каблуками, небрежно расправила подол пальто. Седые волосы покрывал лёгкий газовый шарфик. От женщины за версту несло чиновницей. Точно такие же — чистенькие, стерильные, с пластиковыми улыбками — наезжали с рейдами на Маманин приют, выдергивали из комнат несчастливцев и уезжали с набитыми добычей микроавтобусами.

Нина поежилась.

— Я пошла, — голос сорвался на хрип.

— Мы все пойдём, — Светла приподняла брови и растянула губы в холодной улыбке, — когда нас пригласят внутрь.

Нина медленно выдохнула, успокаивая сердце. Ручка пакета скрутилась, впечаталась в кожу. Пальцы начали багроветь. Она медленно раскрутила пакет в обратную сторону, прочистила горло и произнесла почти спокойным голосом:

— Я пошла домой. Дорогу найду сама.

— Не стоит пропускать сегодняшнюю службу, — глубокий, поставленный голос прозвучал над самым ухом и Нина позорно вздрогнула всём телом.

Храмовник — слишком щуплый и невзрачный для собственного голоса, подкравшийся тихо, словно из Марева соткался — стоял, склонив голову и мягко улыбался. Алые одежды трепал ветер. Круглое, гладко выбритое лицо лучилось благодушием.

Нина стиснула дрожащие губы и тяжело сглотнула.

Светла судорожно прижала щепоть к губам, коснулась груди. Её глаза разгорались фанатичным блеском. Щёки заалели.

— Я атеистка, — буркнула Нина, делая осторожный шагок назад.

Храмовник слегка покачал головой, улыбка его стала ярче:

— Храм — это дом. В него могут зайти не только домочадцы, но и гости. Пресветлая не ждёт слепой веры. — Храмовник похлопал Сеню по плечу и неожиданно-проказливо подмиг-

нул. — А сегодня большой день, наступивший после тяжёлой и печальной ночи. Храм примет в свои стены новых жильцов.

— Даже из администрации города пришли, а ты нос воротишь, — прошипела Светла, кивая на женщину из машины.

Чиновница увязла каблуками между досок крыльца и дёрнула ногой как раздраженная лошадь. На чёрном лаке освобождённого каблука осталась белеть царапина.

Чиновница быстрым раздражённым жестом коснулась губ и груди и толкнула храмовые двери.

Храмовник слегка нахмурился. Нина протянула пакет, но храмовник выставил вперёд ладонь. Улыбка его стала хитрой:

— После службы отдашь.

Глава 4 Причастие

Скамейка — узкая, грубо сколоченная, лишённая спинки — опасно покачивалась. Нина сползла на самый краешек, напряжилась, готовая в любой момент вскочить. Сквозь мутные, разрисованные витражными ликами Пресветлой, окна пробивался фонарный свет. Тянувшийся от курилен дымок плясал в цветных лучах.

В маленьком, набитом людьми помещении почти не осталось кислорода. Нина сжимала коленями горловину пакета и цедила воздух через рот.

Храм пах опасностью. Запах оседал на корне языка едва уловимым привкусом железа, солоноватым страхом. Его не перебивал острый душок щелока, душистые благовония, дымная горечь и обволакивающее тепло талого воска. Нина носом чувала, что в этих стенах проливалась кровь.

Сеня прижимался тёплым боком, беззаботно болтал ногами. Примятые после шапки мокрые кудряшки липли ко лбу и он то и дело раздражённо их сдувал.

Светла, сидящая по другую от Сени сторону, ерзала, шикала, прижимала беспокойные ноги мальчишки ладонью. Светла старалась зря. Храм гудел. Звучный голос храмовника бился о стены, застывал под потолком, осыпался вниз. Прихожане перешептывались. Скрипели ножки скамеек, шуршали куртки, ветер завывал в переоборудованной колокольне, трепал скрипучие двери.

Нина пригрелась и почти задремала, убаюканная гулким, певучим голосом храмовника.

— ... Да восветлятся все, да сгинет тьма. Да повернётся ночь вспять и над головами нашими засияет солнце. Да будет так.

— Да будет так, — нестройный разноголосый хор отозвался эхом под сводами. Прихожане поднимались с мест, касались губ и груди сложенными пальцами, неспешно двигались к проходу между скамьями.

Нину подпихнули в бок. Она подхватила за ляжки пакет и покорно двинулась вслед за белой кляксой Светлиной шубы. Толпа потекла не к выходу, как надеялась Нина, а к застывшему перед огромной иконой Пресветлой Первоматери храмовнику.

— Уже всё, ма? — протянул гундосый детский голосок. — Тут душно и воняет.

На ребёнка шикнули. Кто-то с бульканьем проглотил рвущийся наружу смешок.

— Причастимся и пойдём, — прошептала пунцовая от стыда мать и отвесила девочке несильный подзатыльник.

— Опять иголками колотья будут? — бунтарка поджала губки, увернулась от очередного подзатыльника и нос к носу столкнулась с Сеней. — О, ты из нашего дома. Мы вместе на автобусе ехали. И возле подъезда я тебя видела.

— Марьюшка, не приставай к мальчику, — женщина сравнялась цветом лица со своим пунцовым шарфом, но Марьюшка лишь залихватски подмигнула Сене и шепнула:

— Приходи в каморку под лестницу, у меня там штаб-квартира.

Нина поймала за локоть Светлу.

— Какое-такое причащаться? — прошипела она, с силой стискивая пальцы.

Светла охнула, дёрнулась, не смогла вырваться и плаксиво скривила губы:

— Дикарка. Обычное причастие. Капля крови в чашу со святым пламенем.

Нина замотала головой, затравленно огляделась. Неспешная очередь тянулась к храмовнику, застывшему над встроенной в алтарь жаровней. Храмовник закатал алые рукава, обнажив неожиданно-мускулистые, увитые шрамами предплечья и ворошил яркие угли металлическим прутом.

За его спиной стоял служка, сжимающий в руках тяжёлый поднос с металлическим лоточком и комьями ваты.

От службы тянуло больницей — острым стерильно-спиртовым душком. Нину замутило. Она попыталась дёрнуться в сторону выхода, но у дверей уже маячила огромная фигура детины, пришедшего вместе с чиновницей.

Светла сверкала глазами. Возбуждённо и ярко. Словно специально загоняла Нину в капкан и теперь радовалась сомкнувшимся на её лодыжке металлическим зубьям.

Первый на помост ступила чиновница, безбоязненно протянула руку. Храмовник не глядя принял у службы ланцет, умело куснул металлом подставленный палец, бросил использованный ланцет в лоточек.

Чиновница сдавила подушечку пальца, выжимая кровавую каплю, занесла над разгорающимся пламенем.

Капля сорвалась с пальца, с тихим шипением ударилась об угли. Нина задержала дыхание, ожидая что пресветлое пламя вспыхнет привычным белым светом, но огонь остался глух.

— Да восветятся все, — пробормотала чиновница, развернулась на каблуках и чётким, почти строевым шагом спустилась с помоста.

Грохот каблуков бился в Нининых ушах чередой расстрельных выстрелов. Каждый новый укол ланцета приближал её к неминуемой гибели.

Кровавая роса окропляла угли, огонь шипел, но оставался пустым. Очередь таяла. Причашенные спускались с помоста, тихими тенями скользили к дверям, оседали на скамейках, застывали у разрисованных ликами Пресветлой стен.

Чиновница ловко и почти беззвучно отловила и рассадила на первых рядах горстку разновозрастной ребятни. Дети были чистенькими, хорошо одетыми, но глаза — дикие и тоскливые, как у Сени прошлой ночью — выдавали их с потрохами. Чиновница привела в храм свеженькую партию сирот.

Нина тяжело сглотнула и украдкой потрепала Сеню по волосам. Скамья ждала и его.

Сеня поднял глаза. В тёмных радужках плеснул отблеск свечей.

На помост вспорхнула Светла. Лёгкая и звонкая, как отпущенная гитарная струна. Храмовник улыбнулся ей тепло и грустно. Светла задрала рукав шубы, настойчиво протянула руку, едва не ткнулась пальцем в ланцет. Храмовник жестко перехватил оголённое запястье, кольнул, занёс ладонь Светлы над жаровней и выдавил кровавую каплю.

Зашипели угли. Светла закусила губу, жадно вгляделась в огонь, подняла полные немой мольбы глаза на храмовника. Тот едва заметно мотнул головой.

Нину замутило. Она понимала, что где-то поблизости прячется воссветлённый, способный уловить момент заpalивания охранного пламени, но не думала, что он будет стоять так близко, держать её за руку, колоть ланцетом.

В глазах храмовника не было ни намёка на солидарность. Его изрезанные руки кричали, что он не единожды пускал кровь ради чьего-то спасения. И теперь он, которого годами использовали как бутылку с кровью, помогал искать таких же обречённых на недобровольное донорство.

Светла спрятала потухшие глаза и спустилась с помоста.

Нина пихнула Сеню в спину, в жалкой попытке отсрочить казнь хотя бы на один миг. Сеня сделал осторожный шаг на ступеньку, замер и отчаянно замотал головой.

— Вот трусишка, — Марьюшка выскользнула из материнского захвата, схватила Сеню за запястье и уверенно зашагала к жаровне.

Храмовник тепло улыбнулся, опустил на корточки, чтобы сравняться с детьми ростом, аккуратно принял протянутую руку.

— Ты очень смелая, Марья, но нельзя укорять людей за их страх, — он быстро уколол подставленный палец, и обернулся к Сене. — Пресветлая дала нам способность бояться, чтобы мы могли расти над собой. Смел не тот, кто не боится, а тот, кто борется со своими страхами.

Сеня поджал губы, но протянул храмовнику ладонь. Пальцы подрагивали. Он слабо пискнул, когда металл коснулся кожи.

— Ты молодец, — храмовник протянул руку, поворошил кудряшки и поднялся в полный рост.

— Давай вместе! — Марьюшка поднялась на приставленные к жаровне ступеньки. Огненные сполохи плясали на её раскрасневшемся лице, глаза блестели. Марьюшка занесла ладонь над жаровней. Капля крови сорвалась с пальца. Пламя коротко полыхнуло белоснежным светом. Нина прикрыла глаза рукой и похолодела, поймав на себе долгий задумчивый взгляд храмовника.

Охранный свет потянулся к Марьюшке тонкими паутинкам, лёгкими и невесомыми. Девочка была слаба. Светоч в её груди едва теплился и храмовник — Нина готова была поклясться собственным светочем — это прекрасно видел.

— В этот раз тусклее, — разочарованно вздохнула Марьюшка и протянула Сене ладонь. — А теперь твоя очередь.

Сеня принял руку, поднялся на ступеньки, поморщился от полыхнувшего в лицо жара. Марьюшка сдавила его палец, выжимая капельку крови.

Храмовник напрягся, бросил короткий взгляд на чиновницу. Та смотрела в ответ жадно и пристально. Слепая к чужому светочу, она ждала реакции восветленного.

Кровавая капля сорвалась с кожи. Марьюшка сипло втянула носом воздух. Нина видела как тонкие ниточки, соединяющие её с охранным пламенем лопнули. Огонь поблек. Превратился в обычное пламя.

Храмовник слегка нахмурился, повернулся к Нине и протянул руку в приглашении.

Ладонь взмокла. Ручка пакета вгрызлась в кожу. Ноги отяжелели. Взгляды прихожан кололи спину, пробирались под куртку, касались лопаток. Свитер прилип к спине.

Нина уронила пакет в гору других подношений, сваленных перед алтарём и подняла глаза.

Храмовник больше не казался нежным и безобидным. На круглой щеке Нина разглядела шрам от ожога. Мозолистые пальцы не могли принадлежать смиренному сыну Пресветлой. Безмятежно-голубые глаза смотрели прямо и требовательно. В его лице читалась даже не вера — уверенность. В себе, в тех, кто стоит за его плечом.

Нина с трудом сглотнула и положила пальцы в протянутую ладонь. Руки дрожали. Пальцы храмовника обвили запястье, сжали. Боли от укола Нина не почувствовала.

Храмовник указал подбородком в сторону жаровни и Нина шагнула.

Удары собственных подошв о помост отдавались болью в висках. Пламя потянулось навстречу сжатой в кулак ладони. Нина чувствовала как из прокола сочится кровь, чавкает между пальцами, скапливается в бороздящих ладонь линиях. Стоило разжать пальцы — и храмовник вынесет приговор.

Нина не разбирала ничего, кроме своих шагов и рева крови в ушах, поэтому опасность не услышала — почуяла кожей.

Капля крови разбилась о пол, но никто больше не следил за церемонией причастия. Прихожане заволновались. Вереница случилась в центре зала. И только тут оглушенная собственным пульсом Нина услышала рёв спас-сирены.

Густой вой накатывал волнами. В толпе прихожан вскрикнул первый ребёнок и вторя ему завопили другие.

Нина нашарила глазами Сеню. Бледный до синевы, он стискивал полы Светлиной шубы. Расширенные глаза глядели в пустоту. Прихожане заматались. С помоста Нине было видно,

как паникующие люди пихают друг друга в спины, запинаятся о чужие ноги. Толпа рванула к выходу из церкви, когда под куполом прогремел голос:

— Прекратить панику.

Чиновница поднялась со скамьи. Сгрудившиеся вокруг неё сироты сжались и спрятали головы в плечи.

Паникующее стадо остановилось, обернулось, и вдруг превратилось обратно в кучку перепуганных прихожан.

— Отходите к алтарю.

Чиновница командовала скупой и деловитой. Нина ошарашенно глядела как фифа на высоких каблучках движением пальца перемещает людей вглубь зала, негромко переговаривается с храмовником, отдаёт приказы своему громиле. Ей верили. Слепо и безоговорочно.

В зазвеневшей тишине скрипели подошвы, шуршали куртки, шипела радиостанция. По Нининой спине катились крупные капли пота. Всё повторялось.

Громила запер дверь, заложил засовом и подпер для уверенности плечом. С той стороны грохнуло. Нина сжалась шагнула назад и угодила в мягкие, пахнущие спиртовым раствором и благовониями руки.

— Не бойся, дитя. Изморники не переступят порог храма.

— Пресветлая не пустит? — Нина не сумела спрятать яд в голосе и сжалась, ожидая отповеди.

— Если бы, — храмовник кривовато улыбнулся. — Пресветлая как любая мудрая мать не лезет в разборки своих детей.

— Даже если они режут друг другу глотки? — Нина приподняла одну брови и храмовник тихо хмыкнул.

— На время службы к храмам приближены наряды полиции с восветлёнными на борту, — чиновница бросила на Нину острый взгляд и повернулась к храмовнику. — Помощь уже в пути.

— Наш город нас бережёт, — храмовник склонил голову, но в жесте Нине померещилась фальшь.

Она на негнущихся ногах сползла с помоста, пересекла опустевший зал и прильнула к узкому зарешеченному окну. Нина боялась увидеть картину зеркальную праздничной ночи. Страждущие у врат храма, глухие к мольбам двери. Но прихрамовая площадь была безлюдна. Спас-сирена смела с улиц зевак.

Марево опустилось рваными ключьями. Изморники — жалкая кучка — потерянно бродили по двору и не находили добычу.

— Я тоже хочу посмотреть, — Нина вздрогнула, почувствовав как за рукав куртки потянули, и опустила взгляд.

Сеня стоял на носочках, но едва дотягивался до подоконника макушкой.

— Смотри, кто мешает, — буркнула Нина и отвернулась.

Сеня ещё раз дёрнул её за рукав. Его голос окреп, в нём зазвенели истеричные нотки:

— Я не вижу!

— Не ори, — Нина шикнула, зажала рот мальчишки ладонью и быстро огляделась. В их сторону неодобрительно поглядывала чиновница и от такого внимания Нину бросало в холодный пот.

Она сгребла мальчишку под мышки, подняла на руки и подтащила к окну. Поясница тут же заныла. Сеня взвизгнул и прижался носом к стеклу.

По улице метался сине-красный свет. Из припаркованных машин высыпали люди. Нина едва подавила желание вжаться в стекло как Сеня и поскуливать от восторга.

Работу полицейских восветленных она видела впервые. Их было всего двое. Молодая девушка, простоволосая и краснощекая от мороза и серьёзный бородатый мужчина. Газовые фонари в их руках горели так ярко, что пламя резало глаза.

Они быстрыми деловитыми движениями отогнали одного изморника в сторону, обступили с двух сторон. Изморник корчился, истекал сизым дымком, обожженный охранных пламенем, пытался нырнуть в сторону, но восветлённая не давала. Рыскала из стороны в сторону, загоняла жертву в руки коллеги.

— Крутые, — выдохнул Сеня. Он прикрывал глаза ладошкой, но жадно всматривался в каждое движение восветлённых.

— Ещё какие. Недавно из Ловчего логова свежую партию прислали, — прогудело над ухом. Нина вздрогнула.

Громила, убедившись что подмога подоспела, покинул свой пост и теперь беспечно пялился в окно поверх Нининой головы.

— Паук умеет натаскивать бойцов, — громила воровато огляделся в поисках начальница и понизил голос, — но вы бы знали, какую кучу баблища отвалил за них город...

Нина угукнула и подбросила ерзающего Сеню повыше.

— Давай поддержи мальчика, — громила, не дожидаясь ответа, выхватил Сеню из Нининых рук. — Смотри, малой, второго разделявают!

Сеня восторженно запищал, а Нина с облегчением размяла ноющую поясницу. Жаровня погасла. Служки с подносами скрылись. Уколотый палец перестал кровоточить. Нина сунула руки в карманы и перевела дыхание, осознав, что сегодня спас-сирена спасла её от гибели.

В комнате было невыносимо душно. Вадим шумно перевернулся набок и всхрипнул. Сеня, свернувшийся под боком у Светлы, тоненько заскулил и зарылся поглубже в тонкую простынь, служащую одеялом.

Настоящее одеяло — тёплое, стеганное, — расстелили на полу для удобства выселенных с дивана.

Нина ютилась на самом краешке, вытесненная огромной Вадиковой тушей с одной стороны и прижатая храпящей Плюшей с другой, смотрела в потолок и умирала от желания распахнуть окно, чтобы впустить в комнату ледяной ветер.

Но вместе с ветром придёт незатихающий вой экипажей скорой помощи. Вклинится в тревожные сны мальчишки-сироты, углубит жёсткие складки у губ хорошей храмовой девочки, разбередит старые воспоминания повзрослевшего и заматеревшего любимца приютских нянечек.

Нина подняла руку, поймала слабый отсвет фонаря из окна и вгляделась в безобразный шрам.

Когда-то давно маленький Ян — тощий, всклокоченный, похожий на цыганят с городских рынков — говорил, что Нинин шрам идёт как раз вдоль линии сердца. Перекрывает её собой.

Нина провела ногтем по бугрящейся коже и беззвучно хмыкнула. Символично. Она собственной рукой вырезала своё сердце. Перекроила судьбу, методично вытравливала из себя всё человеческое. Потому что человек слаб. Человек уязвим. Чудищам проще выжить.

— Чего ворочаешься? — сонный голос заставил Нину вздрогнуть. Она повернулась набок и столкнулась взглядом с глянцевою зеленью чужих глаз. Кровь хлынула к щекам. Нина отпрянула, поджала губы и буркнула:

— Заснёшь тут, когда так воеет.

Вадим приподнялся на локте, прислушался и добродушно хмыкнул:

— Это разве воеет? Разнежилась ты в своей провинции.

Нина стиснула зубы, крылья её носа затрепетали. Она с трудом проглотила рвущиеся наружу ругательства и хрипло выдохнула:

— Разнежилась? Я по лесам живу, Вадь. От мародёров перцовкой и молитвой отбиваюсь, волков факелами отгоняю.

— Ты изморников каплей крови отгоняешь, Нинок, — голос Вадима прозвучал тускло и горько. — Все жители этого города удавятся за такой дар.

— Да пусть забирают! — получилось громче чем хотелось. Нина зажала рот ладонью, прислушалась к мерному дыханию с дивана и продолжила уже спокойнее. — Я отдам. И дар, и всё, что к нему прилагается. Пусть носятся с подпаленным хвостом от ловчих, живут в норах с медведями. Пусть носят клеймо, как скотина, пашут за жратву и дохнут во благо большинства. А я побегаю от изморников.

Вадя тяжело вздохнул и прикрыл глаза, явно собирая слова для ответа. Он разомкнул губы, но голос утонул в заполошном рёве спас-сирены.

Нина сама не поняла, как очутилась на ногах. Вадим подскочил к окну, едва не сшибив её с ног. Широкая спина заграждала обзор, но Нине не нужно было видеть, чтобы понять — черный туман совсем близко. Клубится у подъездных дверей, лижет бесполезный охранный фонарь.

— Где ваш подъездный осветлённый? — прошипела она, подныривая Вадиму под локоть.

— Подъездный? — истеричный смешок принадлежал невовремя проснувшейся Светле. — Ты из какого леса вылезла? У нас на микрорайон один был. И того не стало месяц назад.

— Выгорел? — Нина проигнорировала едкий тон, решив, что укоротит язык мелкой выскочке в другой раз. Когда на кону будет стоять чуть меньше, чем собственна жизнь.

— Грохнули, — пробурчал Вадим. — Посреди бела дня. Машина остановилась, ствол из окошка высунулся и всё — пакуй хлопца.

— Вы — городские — совсем с головой не дружите? — Нина задохнулась от ужаса и возмущения. Вадим немного посторонился, давая ей доступ к окну и пожал плечами:

— Это внутренние разборки осветлённых. Мы туда не лезем. Полиция кого-то поймала, а район всё равно остался без защиты.

Тьма стекалась к окнам, копошилась материализующимися силуэтами изморников. Послышался звон битого стекла и истошный визг. Тьма вползла в дом.

— Собирайтесь, — коротко бросил Вадим, подхватывая на руки сонного Сеню.

Светла бросила отцу одеяло, накинула шубу поверх ночной рубахи, сунула ноги в ботинки, впихнула Нине в руки коробку спичек.

— Свечей нет? — хмуро поинтересовалась она, но Светла не ответила.

— Плюшенька, ты где?

Дурная псина заскулила откуда-то из задиванных глубин. Светла прошептала что-то неразборчивое, явно поминая собачью мать, рухнула на четвереньки и принялась шарить ладонью в щели между диваном и стеной.

— Брось, — крикнул Вадим из коридора. — Животные хорошо чувствуют изморников, она рта не откроет, пока Марево не уберётся.

Плюша хрюкнула, словно подтверждая слова хозяина. Светла поджала губы, но повиновалась. Нина почти наощупь нашла свою куртку, сунула ноги в чьи-то огромные ботинки.

В подъезде было темно. Шаги отдавались гулким эхом от стен. Вышедший последним Вадим провернул ключ в замочной скважине, поудобнее перехватил одеяльный свёрток с укутанным по самые брови Сеней и вслепую шагнул на ступень, ведущую на этаж выше.

— Ты куда? — Нинины брови поползли вверх.

— Внизу изморники, — коротко бросила Светла. Она пихнула Нину в спину и загрохотала кулачком по соседской двери. — Тётъ Ань, вставай, тревога!

За дверь соседской квартиры стояла тишина.

— Да брось, доча, она ж глухая как тетерев, — голос Вадима раздался с пролёта выше.
— Уходим.

Светла упрямо поджала губы и ударила в дверь мыском ботинка. Соседка не отозвалась.

— Прекращай играть в святую, — Нина подхватила Светлу под локоть и поволокла наверх.

Незнакомые ступени, в темноте ставшие совсем недружелюбными, выскальзывали из-под подошв. Нина запиналась, налетала на Светлу, вызывая у той раздражённое шипение.

Хлопали двери, гудели голоса. Жильцы, проснувшиеся от воя спас-сирены торопились покинуть ставшие небезопасными квартиры. Грохотали шаги, пищали дети. Узкие ступени скользили под ногами, острые локти, врезались под ребра, спины перекрывали путь вперёд.

Пальцы выпустили мех Светлиной шубы. Нину отёрли, прижали к стене, отдавили ноги.

— Марьюшка! — чиркнуло колесико зажигалки. Слабый прыгающий свет выхватил встревоженное женское лицо.

Женщина сощурила глаза, поднесла зажигалку ближе, едва не подпалив Нине брови и спросила потерянно:

— Ты не видела Марьюшку?

Нина вжалась в стену и замотала головой. Краска под пальцами пошла трещинами и кусками посыпалась на пол. Женщина скорчила рот в плаксивой гримасе. Огонёк зажигалки потух.

Нина перевела дыхание и двинулась наверх, не отлипая ладонями от стен, нащупывая носком ботинка очередную ступень.

Поток людей поредел. Наверху лязгнули плохо смазанные петли люка, по ногам потянул холодный ветерок. Нина поднажала, предчувствуя выход из ловушки, но тяжёлая створка люка захлопнулась прямо перед её носом. Засов с металлическим лязгом лёг в паз.

— Я последняя, больше людей не осталось, — Нине показалось, что она слышит звонкий голосок Светлы. Она с досадой хлопнула ладонью по створке уже понимая, что ей не откроют.

Внизу грюкнуло. Подъездные двери застонали под натиском когтей. Нина выругалась, сунула руку в карман, дрожащими пальцами выудила коробок со спичками. Охлопала куртку и выругалась ещё раз. Новый нож, взамен потерянному у храма, она так и не раздобыла.

Вниз Нина полетела вслепую, перескакивая по несколько ступеней за раз. Дверь Вадимовой квартиры нашла практически наощупь. Дёрнула ручку. Дверь не поддавалась. Нина застонала, пнула дверь мыском ботинка.

Рядом тихо скрипнули дверные петли. Нина отшатнулась, вжалась спиной в стену, но вместо ломанных черных фигур и оскаленных пастей увидела искаженное ужасом старушечье лицо.

Глуховатая Вадимова соседка выглянула из приоткрытой двери. В её руках была зажата горящая дёрганным пламенем толстая храмовая свеча.

— Слава Пресветлой, — прошептала Нина. Она рванула вперёд, перепугав старушку, сунула в щель между дверью и косяком мысок ботинка.

Тётя Аня попыталась захлопнуть дверь, но Нина протолкнула старушку вглубь квартиры и приложила палец к губам. По ступеням уже стучали шаги. Слишком дерганые, чтобы принадлежать людям.

Нина прильнула к глазку. В подъезде стояла непроглядная темень, но силуэт, замерший у двери, выделялся своей густой чернотой. Изморник поднял голову, повёл отсутствующим носом. Нина застыла, задержав дыхание. Сердце стучало в ушах, глушило копошение старухи за спиной.

Тётя Аня молчала. Дышала загнанно и рвано, комкала в пальцах пояс плюшевого халата, стискивала свечку так крепко, словно собиралась раздавить, но молчала. Нине вдруг подума-

лось, что горожане — очень удобные напарники. Когда дело начинало пахнуть Маревом, они — от мало до велика — становились понятливыми и расторопными.

Изморник двинулся к лестнице, сделал шаг на первую ступень, замер. Нинино сердце едва не выскочило из груди, когда изморник наконец сделал следующий шаг. Нина отлипла от глазка, привалилась затылком к двери и прикрыла глаза.

Именно этот момент выбрала очухавшаяся, учуявшая соседство живых людей Плюша. Звонкий лай, истеричный, совсем не похожий на обычное её кряхтение, разрезал воздух. Тётя Аня вздрогнула. Горящая свеча полетела на пол и с шипением потухла.

Нина не успела ничего. Бешеной силы удар сотряс дверь. В соседней квартире надрылась, демонстрируя прорезавшийся голос псина, но изморник уже почуял, где притаилась добыча. Настоящая, двуногая, захлёбывающаяся от ужаса.

Тётя Аня нырнула за кресло, сжалась и захныкала как перепуганный ребёнок. Перед Ниниными глазами всплыли затёртые детские воспоминания. Маленькая Нина скулит, уткнувшись носом в мамино плечо. Они сидят, забившись в коридорный шкаф и дрожат в унисон. К Нининым ногам жмётся пёс. Огромный, рыжий, ни капли не похожий на Вадину пустолайку. Дверь квартиры сотрясают удары. В тот раз это была дверь чужой квартиры. В тот раз для Нины и её матери всё обошлось. Они отделались малой кровью — несколько мучительных часов слушали, как за стеной бушует смерть. В этот раз отсидеться в шкафу не выйдет.

Квартирка была зеркальным отражением Вадиной. Нина на ощупь отыскала посудный шкаф, вытянула огромный, прилично наточенный нож.

Свеча, сиротливо лежащая на придверном коврикe, оказалась переломлена. Нина оторвала болтающуюся на фитиле половину, чиркнула спичкой. Огонёк задрожал на свечном огрыске. Она зажала лезвие ножа ладонью. Алая капля упала на растопленный воск.

Нина сжала челюсти, привыкая к омерзительному сосущему чувству. Жизнь потекла по её венам к окрепшему огоньку. Пламя жадно хлебало что-то, запертое в грудной клетке, выплёскивало наружу дрожащим ореолом, видимым одним воссветлённым. Охранный контур раздался в стороны. Чудище ударило в последний раз и отпрянуло. Нина безбоязненно откинула цепочку, распахнула дверь и шагнула в коридор. Марев зашипело и потекло, как кусок сливочного масла на сковородке. Изморник корчился на ступенях, истончался, превращался в дымные щупальца тумана, из которого был рождён.

Свеча задрожала. Охранный контур хапнул больше, чем Нинино тело готово было отдать. Голова пошла кругом.

Нина оперлась спиной о дверной косяк и прикрыла глаза, борясь с подступающей дурнотой. В глубине квартиры задрезжал неразборчивый старческий голос.

Нина обернулась и встретилась с полными благоговейного ужаса глазами тётя Ани. Губы старушки шевелились в молитве Пресветлой Первоматери, а собранные щепотью пальцы замерли напротив сердца.

Глава 5 Благость

Утро выдалось мерзким. Несколько часов Нина торчала в пропахшей старостью и свечным воском квартире тётъ Ани, пила переслащенный, крепкий до сведённых скул чай, слушала уверения, что тётъ Аня чтит восветлённых всем сердцем и никогда не причинит им неудобств. За стеной заливалась лаем окончательно поехавшая крышей Плюша. Нина тянула горько-сладкую жижу, стараясь не глядеть на темную маслянистую пленку. Её до сих пор мучило. Желудок грозил покинуть нутро от любого неосторожного движения. В ушах тяжело бухал пульс, затылок нестерпимо ломило. Нина поморщилась и прислушалась. За радостным старухиным клетотом ей померещились голоса и шуршание радиостанций.

— Ну наконец, — пробормотала она, поднимаясь на ноги. Желудок булькнул. К горлу подкатила желчь. Нина торопливо запила гадкое чувство чаем и посеменила к двери.

В глазке отразилось только мельтешение фонариков. Нина приникла ухом к замочной скважине.

— Проверили квартиру, из которой попёрли чудища?

— Фарш. Примерно трое было, но сейчас сама Пресветлая ошмётки по принадлежности не соберёт.

— А под лестничным пролётом?

— Девчонка. Платице, бантики. Коса, правда, с куском скальпа в метре от тела.

Нина зажала рот ладонью.

Разговоры стихли. Полицейские поднялись этажом выше, загрохотали кулаками в двери люка.

Разноголосица и торопливые шаги возвестили о вызволении окоченевших на крыше людей. Нина дождалась скрежета ключа в замочной скважине Вадиной двери и выползла в коридор.

Вадим, до сих пор держал на руках трясущегося от холода Сеню. Он замер, буравя Нину неверящим взглядом, осторожно опустил мальчика на пол, сгрёб её в охапку и клюнул куда-то в макушку холодными губами. Нина вывернулась, оттолкнула Вадима и указала пальцем на дверь:

— Открой, мне нужна моя одежда.

Она пресытились городом, Маревом, спас-сиренами и волчьими взглядами Светлы. Нине хотелось бежать в лес, забраться на ближайшую ель и выть. Так же надрывно и тоскливо, как женщина, обнаружившая под лестничным пролётом свою потерянную Марьюшку.

Нина была готова на всё. Даже на упрёки, проклятия и укоризненные взгляды. Лишь бы не чувствовать на корне языка тошнотворного солёно-железного привкуса, не видеть виноватых Вадиных глаз.

Дверь приоткрылась. Ошалевшая от радости Плюша бросилась в распахнутые объятия Светлы, завияла всем пушистым тельцем, выражая любовь и признательность за вызволение.

— Испугалась, бедолаженька, — заворковала Светла. Нина скривилась, отпихнула девчонку с дороги, сунула ноги в ботинки, натянула шапку, задумчиво посмотрела на свои пижамные штаны. Сил идти в глубь квартиры, искать джинсы в залежах сваленной на спинке диване одежде, не осталось.

— Я пошла, — между бровей Вадима прорезалась складка. Нина закатила глаза и пояснила. — За новым паспортом.

— Погоди, набросаю тебе карту.

Нина терпеливо подождала, пока он накарябает маршрут, сложила клетчатый тетрадный листок вчетверо и сунула в карман. Угукнула, в ответ на пожелание хорошей дороги и выскользнула в подъезд. Лестничную площадку первого этажа она проскочила молча и быстро.

Старательно не глядя на скрючившуюся, покачивающуюся с носка на пятки и тоскливо подвывающую фигуру.

На автобус Нина опоздала. Неслась как полоумная, расталкивала прохожих локтями, чтобы ткнуться лбом в сомкнувшиеся двери. Ей показалось, что водитель скорчил ехидную гримасу, прежде чем наподдать по газам. Автобус натужно заскрипел и пополз по пустой дороге.

— Не очень-то и хотелось, — буркнула Нина. Она пнула стену остановочного комплекса мыском ботинка, вызвав небольшую лавину, огляделась и попыталась сообразить, куда ей нужно идти.

Следующий автобус ожидался не раньше, чем через час. Солнцеворот сильно разгрузил дороги. В Нининых детских воспоминаниях сохранились рычащие потоки, несущиеся по городу, тромбующиеся пробками, клубящиеся выхлопными газами. Сейчас транспорт стал даже не роскошью — привилегией городских служб. Автобусы с огромными перерывами между рейсами, скудная сетка междугородних маршрутов, мёртвое метро. Жалкое копошение на руинах некогда здорового города.

Снег хрустел под ногами, переливался гранями снежинок. Очистившееся небо — светло серое, взамен мрачно-серому ночному — клубилось лёгкой белёсой дымкой. Город оживал. Стряхнул оцепенение, вызванное чередой ночных нападений, заново привыкал к тишине после бесконечного воя спас-сирен. Нина проводила взглядом цепочку школьников на другой стороне приездной части. Круглые и нелепые в дутых пуховиках и огромных шапках — дети брели, деловито переваливаясь с боку на бок. Портфели казались непомерно огромными для маленьких тел. Дети беспечной гусеницей пересекли проезжую часть. Заводила цепочки едва не ткнулся лбом в Нинин живот, поправил сползшую на нос шапку и поднял голову, оказавшись большеглазой конопатой девчонкой.

— Звинить, — сквозь зубы процедила конопатая и ткнула кулачком в живот идущему следом товарищу. — Почему не предупредил, многоглазый?

Мальчишка шумно выдохнул. Очки в толстой оправе запотели от тепла дыхания. Многоглазый пискнул, выставил вперёд руки и слепо зашарил перед собой.

— Уйди с дороги, тётя, — прогундосил третий насмерть заложенным носом. — Не видишь, дети в школу идут.

Нина так растерялась от обращения, что сделала безропотный шаг в сторону. Конопатая предводительница вскинула нос и с победным видом повела своё войско вперёд.

— Катька, давай в изморников поиграем? — заканючил гнусавый.

— Запретили, — буркнула конопатая предводительница. — У нас ночью соседа съели. Мамка сказала, увидит что я в изморников играю, ремнём побьёт.

— Ну тогда в ловчих и восветлённых, — не унимался гнусавый.

Нина нахмурилась. Игра в ловчих и восветлённых, длящаяся большую часть её сознательной жизни, надоела до тошноты. Но городским детям было плевать, во что играть. Притворяться бездушными порождениями чёрного тумана, ловить бедолаг, виновных лишь в том, что родились с неправильной кровью. Нина завидовала. Она уже не помнила себя беспечным ребёнком.

Маманя не позволяла питомцам приюта дурачиться и забывать, что мир — одно большое болото, каждую секунду жаждущее тебя пожрать.

Школьники скрылись за домами, Нина тряхнула головой и двинулась дальше.

По дорожке полз дворник, сгорбленный, с трясущимися коленями, замотанный по самый нос в серый колючий шарф. Старая распушенная метёлка гоняла по тротуару алые ленточки,

оставшиеся после празднования. Нинин взгляд упал на раздавленные осколки красных ламп. Стало тошно и она ускорила шаг.

В гостеприимно распахнутые двери торгового центра Нина влетела, едва не столкнувшись с хмурым, заросшим чёрной щетиной мужчиной. Она выдавила скомканные извинения, подняла взгляд и оцепенела. На неё смотрели хасочьи пронзительно-голубые глаза с крохотными точками зрачков. Мужчина изогнул широкую бровь и посторонился, давая Нине дорогу.

Она сцепила пальцы в кулаки, силой заставила себя оторвать взгляд от ледяных глаз и двинулась к навечно замершим эскалаторам. Руки и ноги отказывались повиноваться. Нина чувствовала себя куклой с заклинившими шарнирами.

По эскалатору она ползла медленно, чувствуя спиной тяжёлый взгляд. На втором этаже ощущение пропало и Нина снова смогла дышать.

Несмотря на послепраздничный выходной день, рынок был практически пуст. Торговые островки с мелкой утварью и украшениями оказались закрыты, в одёжных магазинах скучали сонные продавщицы. Нина достала бумажку, исписанную Вадимовыми каракулями, зашевелила губами, сверяя маршрут и кивнула своим мыслям.

Нужный ларёк располагался в самом углу под неприметной потрёпанной вывеской. Нина ещё раз сверилась с бумажкой и нырнула в пахнущий свечами и дымом полумрак.

Внутри «Благость» напоминала чулан с хламом, в который Маманя скидывала вещи своих новых постояльцев. Корявые глиняные миски, бусины, неподходящие друг другу цветом и размером, нанизанные на общую нить, неровные кружочки, литые из дешёвого крашеного металла. Пахучие пучки сухих трав, связками свисающие с потолка, чадящие свечи, источающие дымную горечь перемешанную с химическими отдушками. Нина чихнула и зажала нос рукавом куртки.

— Ба, кого я вижу? Рыска? — полузабытый голос послал по хребту колкие мурашки. Нина крупно вздрогнула и развернулась, натягивая на губы улыбку.

— Душа моя, не скалься так дружелюбно, — Ян стоял, опираясь поясницей на прилавок.

Он был ровно таким, как Нина запомнила. Та же подростковая тонкость в костях, те же звонкие браслеты на запястьях. Всклоченные чёрные кудри, глаза, будто подведённые угольком. Ян по-птичьи склонял голову набок. Свечной свет делал глазные впадины глубже, а скулы чётче. Нина судорожно втянула носом воздух и отступила на шаг. Померещилось, что ей снова тринадцать, они сидят на полу в мальчишечьей спальне, Ян сжимает тонкими, как у изморника, пальцами её ладонь и водит ногтем по шраму на линии сердца.

Словно услышав её мысли, Ян сделал шаг вперёд. Ледяные пальцы обвили запястье и неожиданно крепко сжали. Нина попыталась вырваться, задрала голову и вскрикнула. Половину лица Яна покрывали глубокие безобразные шрамы.

Иллюзия погружения в прошлое с хрустом растрескалась. Нина выдернула руку, отступила к двери и напрягилась, готовая сорваться в бег.

Ян запрокинул голову и расхохотался, хрипло и горько:

— С каких пор ты такая пугливая, Рыска? Или это не ты в пятнадцать сбегала из приюта смотреть на изморников?

Нина обхватила себя за плечи. Детское прозвище, произнесённое чужим хриплым голосом больно царапнуло в груди.

— А с каких пор ты... — она замялась, жестами показывая на изуродованное лицо.

— Мы — восветлённые на службе у ловчих — все выглядим примерно так, — губы Яна расплзлись в невеселой усмешке.

Нина сглотнула. Она помнила, как Яна — тогда ещё нескладного четырнадцатилетнего подростка — тащили за шкуру по коридору ловчие. В тот год облава была страшной. Попался не только Ян. Из малышковской спальни выгребли орущих двойняшек-трёхлеток. Попался старый дворник — скрюченный радикулитом, сухой, как мёртвое дерево. Маманя зывала к сове-

сти пришельцев и спрашивала, кто будет делать для приюта охранные фонари, но предводитель ловчих жёстко заявил, что нужно было пользоваться легальными осветлёнными.

Именно в тот момент Нина осознала с поразительной ясностью — осветлённые не люди. Инструменты, которыми можно пользоваться только при наличии разрешения.

Нина отвела глаза, чтобы не встречаться с пыливой чернотой чужого взгляда.

Надверный колокольчик звякнул, разбивая тягучее молчание.

Ян повернулся к покупателю, а Нина едва не осела на пол. Она оперлась ладонями о прилавок и устала на ровный рядок газовых ламп. Маленьких, с ладонь, с крохотным резервуаром, удобных для переноски. На соседней полке лежали ножи. На цепочках, на брелоках, на карабинах, все небольших габаритов. Нина нахмурилась. Магазины явно нацеливались на осветлённых.

Ян, радостно щебечущий возле покупательницы, старательно поворачивался к ней правой — целой — стороной. Девушка — совсем молоденькая, с круглыми детскими щёчками и понячьей чёлочкой — стреляла покрашенными глазками на продавца. Она даже не старалась делать вид, что пришла смотреть товары.

— А это что? — пропищала покупательница и практически не глядя ткнула ноготком на полку с безделушками.

— О-о-о, чудный выбор! Это оберег от Марева — Ян подмигнул и потянулся к полке. Браслеты на его запястьях задребезжали, соударяясь бусинами. Он протянул распахнутую ладонь с крохотной птичкой на шнурке. Нина вздрогнула. Ладонь покрывали безобразные шрамы. Они хоронили под собой не только линию сердца — на ладони Яна не осталось совсем никаких природных линий.

Нина огладила подушечками пальцев собственный шрам и отвела глаза. Похоже, жизнь Яна у ловчих была не в пример гаже, чем её собственная.

Покупательница, не отрывая от продавца горящих глаз, отсчитала монетки и ссыпала в протянутую ладонь.

— Спасибо за покупку, приходите ещё!

Напоследок покупательница ожгла Нину взглядом, прижала птичку к груди и выпорхнула в коридор.

— Оберег от Марева? — Нина приподняла бровь. — Зачем дурить людей?

Ян ухмыльнулся, снял с полки крохотную подвеску и протянул Нине.

Она подхватила украшение за шнурок. Солнышко. С острыми, выкрашенными рыжим лепестками и круглой бледноватой сердцевинкой. Нина провела по кулону подушечкой большого пальца и нахмурилась. Пористая структура до странного напоминала кость.

— Останки изморников, — кивнул Ян её мыслям.

Нина гадливо скривилась и отодвинула шнурок с подвеской на расстояние вытянутой руки:

— Вы совсем больные? Как это возможно?

Она встречалась с изморниками так близко, как не доводилось большинству ныне живущих. Смотрела в черные глазницы, чувствовала идущий от чудовищ холод, ощущала острые когти на своей коже, видала, как изморники тают, превращаются в туман, из которого родились, соприкасаясь со светом охранных фонарей. Но никогда не встречала другого оружия, способного причинить исчадиям Марева физический вред.

— Изморников нельзя ранить.

— Ты просто не пробовала, — улыбка Яна стала хищной. Он выпутал шнурок из её пальцев. Нина дёрнулась от прикосновения холодной кожи и спрятала ладони в карманы куртки.

— Как ты здесь оказался? Я думала Ловчее логово не отпускает тех, кто в него угодил.

— Я слишком жирная муха для такой паутины, — Ян хрипло хохотнул. — Порвал сети и улетел на волю. А ты не устала бегать?

Он смотрел пристально и цепко. Взгляд вызывал почти физический дискомфорт. Колол. Пускал холодные мурашки по хребту. Напоминал, что Ян — призрак прошлого. Недобрый, раненный её предательством и несправедливостью собственной судьбы.

Нина поспешно шагнула в сторону выхода и бросила, разворачиваясь:

— Я отлично бегаю. Лучше тебя, точно.

Ян каркающе расхохотался, но Нина уже неслась по ярко освещённому этажу. Пульс колотил в висках. В груди заворочалось ощущение подступающей беды. Беглый воссветлённый, торгующий костями изморников, ловчий с хасочьими глазами, ночь, полная тревожного рёва спас-сирен, застарелые детские воспоминания, выползающие наружу. Предчувствие сжималось вокруг горла тугими змеиными кольцами. Нина ткнулась в крутящиеся двери, вылетела на улицу, дрожащими пальцами ослабила шарф и сделала глубокий вдох. В уши пробилося будничное журчание города и только тогда она поняла, что забыла забрать у Яна паспорт.

Нина несколько часов бесцельно слонялась по городу, кружила по чужим кварталам, едва не уехала на автобусе в соседний посёлок.

Дорогу к дому Вадима она нашла лишь к вечеру. Толкнула подъездную дверь, бросила рассеянный взгляд на замытое кровавое пятно под лестницей, на развороченную, оклеенную полицейскими печатями дверь на площадке первого этажа и поплелась наверх, едва переставляя ноги.

Голоса Нина слышала издали. Нервное бормотание Вадима, сбивчивый захлёбывающийся клекот Светлы, скрипение тётки Ани. Слов разобрать не удалось, но тон насторожил. Нина остановилась на пролёте третьего этажа и перегнулась через перила.

Дверь соседской квартиры была открыта нараспашку. Тётка Аня — в том же плюшевом халате и тапочках с помпонами — прижималась к лестничным перилам и перекрывала Нине весь обзор.

— Название «Благость» вам что-то говорит? — голос оказался незнакомым. Низкий, глуховатый, почти лишенный эмоций. Нинино горло перехватило от ужаса. Она крепче ухватила перила, чтобы не осесть на ставших ватными ногах.

— Полагаю, вы про магазин в ближайшем торговом центре? — голос Вадима звучал ровно. Нина позавидовала его самообладанию, потому что сама в такой ситуации не смогла бы связать ни единого внятного слова. — Иногда покупаю там свечи и газовые лампы.

— Вы воссветлённый? — в голосе незнакомца прорезалась ирония.

— А с каких пор свечи покупают только воссветлённые? — Вадим раздражался. Нина буквально представила, как он выдвигает вперёд челюсть, опускает подбородок, бычит из-под бровей. — У нас, знаете ли, часто отключают электричество. Потому что вы забрали из города почти всех воссветлённых. Люди отказываются работать на подстанции без защиты, а остатки воссветлённых не могут работать без сна.

Нина медленно втянула носом воздух. Она догадывалась, что к Вадимову порогу нагрянули ловчие, но до последнего надеялась ошибиться.

— Не язвите, со старшим государственным ловчим разговариваете, — новый голос — женский, полный праведного негодования — прозвучал в отдалении и Нина едва не застонала. Ловчие нагрянули целой стайей. — Клим Демидович, давайте я полицию вызову. Что вы с ним цацкаетесь?

— Не лезь поперёк старших, — ловчий зазвучал раздражённо. — Мы пока что просто разговариваем. Может быть гражданин сейчас расскажет нам кто такая Нина Рысева и почему её паспорт лежит в подсобке магазина «Благость»?

Нина впилась зубами в кулак, чтобы не издать случайный стон. Хотелось одновременно кричать и истерически ржать. Мстительный Ян оставил ей родное имя, но дал созвучную с приютским прозвищем фамилию.

— Первый раз слышу, — холодно произнёс Вадим, и Нина в какой раз за это утро поразила его выдержке. — Вам лучше побеседовать с владельцами «Благости».

— Я бы с удовольствием, — с притворным сожалением протянул Клим, — но владелец, а по совместительству участник одноименной экстремистской группировки, сбежал во время облавы.

— Печально, — голос Вадима сочился ехидством.

— Печально, — подтвердил Клим. — Потому что среди вещей беглеца обнаружена переписка с одним социальным учреждением. От вашего имени.

Пауза затянулась дольше, чем хотелось бы Нине. Ловчому удалось выбить Вадима из равновесия, но тот быстро взял себя в руки и поинтересовался:

— И что же такого противозаконного вы обнаружили внутри?

— Ничего, иначе беседа происходила бы в отделении полиции, — Клим сделал небольшую паузу и продолжил уже более прохладным тоном. — Но по вашему адресу сделано анонимное сообщения в дежурную часть. Сообщили, что в данной квартире живёт воссветлённый. Я имею право провести обыск и проверить всех жильцов на охранном фанаре.

Нина осторожно отлипла от перил и, стараясь не шуршать курткой, двинулась вниз. Она услышала всё, что требовалось. Нину сдали с потрохами.

Гадать о личности анонима не приходилось — перед глазами моментально всплывала Светла, с её поджатыми губками и капризным голоском. Папиной девочке надоело терпеть в квартире чужачку и она сделала всё, до чего смогла додуматься.

Светла не учла одного: попадись Нина в их квартире, Вадима ждала статья за укрывательство государственного имущества.

Хорошей храмовой девочке не обязательно разбираться в законах. Пресветлая Первома-терь не корит своих детей за невежество.

Нина так погрязла в своём негодовании, что не сразу заметила притаившуюся у подъездной двери фигурку. Человек соткался из темноты словно изморник. Нина попыталась вскрикнуть, но тонкие ледяные пальцы зажали рот.

— Не рыпайся, душа моя, — щёку защекотали жёсткие пряди, ухо опалил жар дыхания. — Иначе обоим кранты.

Нина кивнула. Ян отступил в сторону, осторожно подтолкнул её к выходу.

Подъездные двери оглушительно заскрипели. Сквозь шум собственного пульса в ушах Нине померещился грохот ног по ступеням лестницы. После подъездного полумрака вечерний полусвет больно резанул глаза. Нина проморгалась, смахнула выступившие слезы и застыла, глядя на рычащую двигателем у самого крыльца полицейскую машину. Бежать было поздно, бесполезно, глупо.

— Лезь, — коротко бросил Ян, кивком указывая вглубь салона.

Нина повиновалась. Она чувствовала себя жирной полевой мышью, добровольно ползущей в пасть лисицы. Дверь машины захлопнулась, щёлкнул блокиратор, отрезая пути отхода. Нина тоскливо посмотрела наверх и вздрогнула.

Из подъездного окна, как раз на уровне четвёртого лестничного пролёта смотрел уже знакомый ловчий с хасочьими глазами.

— Клим, — скривился Ян, проследив её взгляд. — Трогай, Гоша, нас засеки.

Глава 6 Убежище

Нина прижала колени к груди, уткнулась носом в пушистый воротник куртки. Здание, куда её приволок Ян, казалось заброшенным. В батареях едва теплилась жизнь, в оконные щели полз сквозняк.

Двухэтажный барак с ветвистыми коридорами прятался в сердце самого густонаселённого городского района, но — Нина готова была дать на отсечение руку — был населён одними воссветлёнными.

Она поерзала на продавленном, брошенном прямо на пол матрасе, съежилась ещё сильнее, сохраняя остатки тепла. Живот скручивал голод. Нина тоскливо посмотрела на запертую деревянную дверь, на забранные решётками окна и прикинула, когда всё пошло наперекосяк. В момент, когда Нина раскрылась перед Светлой на площади? Или когда позволила Вадиму столкнуть её с призраками прошлого? А может всё посыпалось раньше. Когда Нина, привыкшая прятаться в деревнях и лесных сторожках, сунулась в город.

В замочной скважине заскрёбся ключ и Нина напряглась. Комната, освещённая лишь уличным фонарём, чувствовалась клеткой и была ей.

Открывшаяся дверь впустила в помещение запах кухни и тепло. Нина прищурилась, пытаясь разглядеть вошедшего. В коридоре света не жалели. Привыкшие к полутьме глаза заслезились. Нина приподнялась на локтях, готовясь высказать Яну всё, что он нём думает, но вошедшая Яном не была.

Низкая тонкокостная фигурка в ореоле кудряшек замерла на пороге, ожидая пока глаза привыкнут к полумраку и лёгкой тенью скользнула в комнату. Нина настороженно смотрела, как пришелица падает рядом на продавленный матрас. Маленькие ладони тронули Нинину руку, влажно блестящие в полумраке глаза обшарили её лицо:

— Всё хорошо? — голосок оказался тоненьким, совсем детским. — Ян — чурбан деревянноголовый, даже поесть тебе не предложил.

— Чего он сам не пришёл? — Нина демонстративно отсела и плотнее запуталась в куртку. Со стороны она, наверное, походила на обиженную ворону. Пружина из скопившейся за последние дни тревоги выстрелила и Нине хотелось драмы. Устроить сцену с битьём посуды, разреветься, высунуться из окна и требовать помощи у прохожих. Останавливало отсутствие посуды.

— Заседают, — незнакомка сложила руки на груди и закатила глаза. — Только и делают, что заседают. Меня, кстати, Лолой звать.

Нина промычала что-то неопределённое, сбитаая перескоком темы.

Лола заминки в разговоре не заметила. Ей в принципе не требовался собеседник. Лола щебетала не замолкая ни на секунду, забываясь, подползала к Нине под бок, хватала за одежду и совсем не обиделась, когда Нина раздражённо отпихнула её локтем.

Лола говорила про рост цен на хлеб, про падёж скота в близлежащих деревнях, про ночное нападение изморников и операцию по спасению людей из соседних домов. Жаловалась на Яна, который не даёт ей торговать в лавке, на Хлыста, который не дал окончить школу, на Гошу, который в погонах и водитель, а её — Лолу — катать по городу отказывается.

Темы скакали, никак не переплетаясь между собой. Нина, с трудом сдерживая детское желание зажать уши ладонями и заорать, вскочила на ноги и подлетела к окну.

Лола замолчала так резко, словно Нина выдернула из сети шнур радиоприемника.

— Я очень навязчивая, да? — тихо и грустно спросила она.

Нине стало совестно. Она неопределённо дёрнула плечами и уставилась в окно.

В этой части города на электричестве почти не экономили. Светили фонари вдоль замёрзшего канала, горели окна малорослых многоэтажек. Даже вывески магазинов кое-где мерцали

неоном. Нина понимала, что внутри бутика некогда модной одежды сейчас ютится продуктовый ларек, или хозяйственная лавка. Но стоило немного забытья, прищуриться, не обращать внимание на хилый поток машин и прошлое воскресало перед глазами.

Ниночкина семья гуляет вдоль каналов. Вернее, гуляют мама с папой. Ниночка с визгом носится за голубями. Голуби жирные и ленивые. Они неохотно прыскают из-под самых её валенок, приземляются через два шага и продолжают лениво перекатываться на тонких лапках. Ниночка счастлива. Она задирает лицо навстречу снежным хлопьям, ловит их открытым ртом, получает подзатыльник от папы и отповедь от мамы. Снег грязный, его есть нельзя. Но снег чистый. Белый-белый, он танцует в фонарном свете, кружит хлопьями с Ниночкину ладошку размером, празднично хрустит под подошвами валенок.

Мама ворчит, что Ниночка опять вымокнет до самых колготок, папа ухмыляется в усы и подмигивает из-за маминой спины.

Нина вздрогнула, вываливаясь из воспоминаний. Она внезапно осознала, что почти не помнит папиного лица. Чёрные усы, чёрные брови, чёрные глаза. Всё.

С маминым лицом проще. Его — поблекшее, осунувшееся, с запавшими глазами и криво остриженной карешкой — она каждый день видела в зеркале.

Наваждение схлынуло. Уютный зимний город, заснеженный, переливающийся неоном вывесок и огнями гирлянд, пахнущий карамелью пекарен, бензином от проезжающих машин и счастьем растаял. Взамен осталась вечная серость, тучи вперемешку с Маревом, снежные горы у обочин.

Одинокий снегоуборщик плёлся по проезжей части, торопясь занять место в гараже до наступления полной тьмы. Потому что во тьме приходит Марев. И неизвестно, где оно захочет выползти на этот раз.

Вывеска заполошно замигала и погасла. Фонарь словно бы потускнел. Снег — совсем не такой как в детстве — сыпал мелкой колкой крошкой. Ветер сдувал верхушки придорожных сугробов, припорошивал след от скрывшегося из виду снегоуборщика.

— У нас хороший район, — Лола по-своему поняла Ниночкино молчание. Она осторожно приблизилась, поднялась на цыпочки и выглянула через плечо. — Есть небольшой торговый центр, школа. Полицейский отдел рядом, но они нас не трогают. И не сдают. Куча восветлённых — это подарок для городского района. Знаешь как тут цены на жильё выросли с нашим приходом?

— Хочешь сказать, это целая община восветлённых, про которых все знают? — Нина подняла брови. — Такого не бывает.

— Знают не все, — Лола махнула рукой, — только те, кто должен. Без защиты города нас всех заберут ловчие. Пошли. Я познакомлю тебя с ребятами.

Лола подхватила Нину под локоть и потащила в сторону двери.

— Ты уверена, что мне можно выходить? — Нина остановилась на пороге, упёрлась в дверной косяк и осторожно выглянула в коридор.

— Конечно, — Лола, на свету оказавшаяся рыжей и конопатой, подняла брови. — Ты ведь не в тюрьме.

Нина хмыкнула. В холодной пустой комнате за запертыми дверями она ощущала себя заключенной.

Лола снова защебетала, взмахивая руками так, словно планировала взлететь. Она вела Нину по извилистому коридору, тыкала руками в двери и объясняла кто живёт внутри. Нина слушала вполуха.

Здание, в котором обосновалась «Благость», напоминало старую гостиницу. Вычурные бордовые обои с тиснением под золото, резные двери с облупившимися номерками. Старый, но всё ещё мохнатый черный ковёр под ногами.

Половина дверей на этаже оказалась распахнута. Внутри уютно обжитых комнат копошились фигурки обитателей. Мерцали свечи, горели настольные лампы, пытели обогреватели-ветерки. Из комнаты выглянула немолодая женщина в серой, колючей на вид пуховой шали, смерила Нину долгим взглядом, обменялась парой коротких фраз с Лолой. По коридорам с хохотом пронеслась ребятня. Лола шикнула на карапуза, подкатившегося прямо им под ноги и свернула на лестницу.

Потянуло сквозняком. Нина поёжилась, поплотнее запахнула куртку. Она ожидала, что Лола поведёт её вниз. Туда, откуда соблазнительно тянуло свежим хлебом. Нина шумно сглотнула скопившуюся слюну и едва сдержала стон, когда Лола потянула её на последний, третий этаж.

— Выколупаем Яна из этого их заседательного зала, — пропыхла она, преодолевая последний пролёт. — Пусть берёт на себя ответственность за наше кормление. Это ведь он тебя привёл. А то мне на кухне обещали руки отрезать, если я их ещё раз протяну в сторону кладовки...

Нина от неожиданности фыркнула и расхохоталась. Лола отлично представлялась наглой рыжей кошкой. Тощей, вороватой, умильно поблескивающей серыми глазищами, когда требуется очаровать жадных двуногих.

Лола округлила и без того огромные глаза, поджала губы, но не выдержала и расхохоталась.

Третий этаж оказался не в пример шикарней. Запертые двери из темного дерева, сдержанные тона стен. Светящиеся синим неоновые ленты погружали коридор в ледяной сумрак. Нина повела плечами. Стало неуютно. Неожиданно нахлынувшее веселье словно бы разбилось о холодную серость стен.

— Не трясись, — Лола ободряюще улыбнулась и подпихнула Нину в бок. — Они во-он за той дверью.

Нина стряхнула робость и уверенно двинулась по коридору. Хотелось высказать Яну всё, что она передумала за последние часы. Хотелось закатить грязную истерику прямо в этой их заседательной комнате. Нина решительно ухватила за дверную ручку, но застыла, пойманная на месте мужским голосом:

— Это ещё один голодный рот, Ян!

Голос был незнакомым. Он продирали до самой печени, пригвождал к месту. Лола прижалась к Нининому боку и тихо пискнула. Нина шикнула и прижала палец к губам. Речь шла о ней и Нине хотелось понять, чего ожидать от нового временного пристанища.

В ответ что-то пробубнили, но разобрать другие голоса не удалось.

— Ты уверен, что она восветлённая? Даже не так. Ты уверен, что она восветлённая, на которую стоит тратить ресурсы? Ты знаешь сколько у меня скопилось полупустокровок, которые даже секунду охранное пламя продержат не могут? Ты вообще понимаешь, на что «Благость» живёт? А ты тащишь сюда чужачку, одиночку, ещё и с ловчими на хвосте. Ты чем вообще думал? Сколько раз говорил, чтобы ты бросил тянуть изморников за пальцы своими эпатажным фокусами. Идиот бессмертный. Если Клим до тебя дотянется, я пальцем не пошевелю, чтобы помочь. И своим не дам. Сдохнешь один и Лолу с собой заберёшь. Ты знаешь, почему я тебя держу, Ян. И мы оба понимаем, сколько времени ты можешь разыгрывать этот козырь.

За дверями заскрипели отодвигаемые стулья. Лола тихо ойкнула, вцепилась пальцами в Нинино запястье и потянула за собой.

Они выскочили на лестницу и перескакивая ступени полетели вниз, не сговариваясь, вылетели на улицу и лишь там остановились, тяжело дыша. Друг на друга они не глядели. Нинино сердце стучало в горле. Она проглотила горький ком разочарования, прикрыла глаза и подставила лицо ледяному ветру.

Дни потянулись на удивление мирно. Человек с жутким голосом так и не удостоил Нину вниманием. Ян бегал от неё так старательно, словно по пути в «Благость» она подхватила проказу.

Соседи по этажу смотрели искоса, зато суровая женщина в столовой два раза в день благосклонно наполняла её миску едой. Миска принадлежала Лоле. Все Нинины вещи, кроме пижамных штанов и куртки, принадлежали Лоле.

Лола приклеилась к ней намертво. Вертелась вокруг с утра до поздней ночи, подкармливала заначенными с обеда кусками хлеба и трещала, трещала, трещала.

— Собирайся, — Лола ввалилась в Нинину комнату без стука. Сегодня поверх безразмерного свитера она натянула огромную куртку. Вязанная шапка почти съехала с растрепанной макушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.